

A movie poster for the Russian film 'Чары Марееллы' (The Sorcerer's Apprentice). At the top, a decorative banner with a wooden texture and ornate scrollwork contains the text 'НАШИ ТАМ' (We are there) in gold, serif capital letters. Below the banner, a woman with long, dark, flowing hair is seen from behind, wearing a white, strapless, floor-length gown with sheer sleeves. She is reaching out with her right hand towards a woman in a dark blue, Victorian-style corset and ruffled skirt who is screaming in terror. The woman in blue is standing in front of a large, arched mirror that has a spiderweb on its surface. The background is a dark, atmospheric room with a window showing a view of a city. The overall tone is dramatic and suspenseful.

НАШИ ТАМ

АНДРЕЙ БОГДАНОВ

ЧАРЫ
МАРЕЛЛЫ

Наши там (Центрполиграф)

Андрей Богданов

Чары Мареллы

«Центрполиграф»

2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Богданов А. Н.

Чары Мареллы / А. Н. Богданов — «Центрполиграф»,
2020 — (Наши там (Центрполиграф))

ISBN 978-5-227-08688-4

Сегодня он – не самый успешный журналист, без перспектив и планов на будущее. Вчера он был ученым, сбежавшим из средневековой Франции в сибирскую глубинку, чтобы обрести здесь счастье. Завтра он станет пациентом клиники, потерявшим память накануне Первой мировой войны. Кто из всех этих людей настоящий? Найти верный ответ способна только искренне любящая женщина. Но что делать, если их две? И каждая из них является той самой единственной, но в разное время и при разных обстоятельствах? Остается только зажмуриться и надеяться на удачу.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-08688-4

© Богданов А. Н., 2020
© Центрполиграф, 2020

Андрей Богданов

Чары Мареллы

© Богданов А., 2020

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2020

© «Центрполиграф», 2020

Каждое стеганое утро каждого дремучего понедельника начиналось не с рекламной чашки кофе, на которую никогда не было времени, а с мучительных размышлений о том, что он находится не на своем месте и занимается не тем, чем следовало бы. Его родители, в прошлом убежденные марксисты, назвали сына в соответствии со своими политическими убеждениями, махнув рукой на свою совсем не карл-марксовскую фамилию.

Так он стал Карлом Дубининым. К сожалению, к моменту получения им заветной корочки факультета журналистики диалектический материализм окончательно утратил актуальность, и теперь тридцатилетний сотрудник банальной желтой газетенки с завидной перидичностью задумывался о том, чтобы взять себе псевдоним. Что-нибудь типа Vassil Terk-in или Карлито Марксофф вполне устроило бы его. Правда, когда он однажды заикнулся об этом во время семейного ужина, родители его, мягко говоря, не поняли.

– Ты что, стыдишься своего имени? Зачем тебе псевдоним? – округлила глаза мать, а отец молча поднялся из-за стола и вышел в соседнюю комнату, откуда еще долго раздавалось его негодующее кряхтение и покашливание.

Так что, видно, ему на роду было написано оставаться Карлом Дубининым. Пусть так. Правда, с такими позывными не светило стать не то чтобы главным редактором – и отдел-то вряд ли доверят.

«О каком отделе ты говоришь, парень? – Карл мысленно дал себе превентивного пинка. – Ты пишешь о выживших из ума старухах, от которых, кроме «А вот в годы моей юности такой срамоты-то не было», ничего не услышишь. Хотя кому-то это интересно, конечно».

– Так, Дубинин. – Главред всегда читал с листа, не глядя на своих подчиненных. Его лысина сегодня блестела ярче обычного, и сотрудники редакции с трудом сдерживались, чтобы не отпустить по этому поводу какую-нибудь шуточку. – С тебя материал о Марии Степановне.

– Это та, которая звонила на днях? Каг'тавая? – не слишком похоже передразнил Карл недавнюю собеседницу.

– Она самая. И она не картавая, кстати, у нее просто потрясающее грассирование.

– А можно... э-э-э... Может быть, кто-то другой напишет о ней? – Несчастный журналист с надеждой взглянул на симпатичную коллегу, которая сидела справа от него и увлеченно жевала карандаш. – А я бы написал о забастовке нефтяников. Какая-то ротация ведь должна быть.

– У меня уже все готово, шесть тысяч знаков, могу выслать через полчаса вычитанный текст, – безапелляционным тоном заявила девица, не вынимая инструмента творчества изо рта.

– Вот видишь. В следующий раз. А сейчас – Мария Степановна.

– Да что там интересного? – У Карла не было сил спорить, но он все же решил попытаться оставить последнее слово за собой, чего, наверное, делать не следовало.

Главный редактор возмущенно посмотрел на него поверх очков и воскликнул, при этом яростно сверкнув лысиной:

– Ничего себе! Да она самого Гумилева знала, между прочим! Тебе что, мало этого? Тогда я вообще не понимаю тебя.

– Откуда такая информация? – вяло поинтересовался журналист, сдаваясь.

– Из надежного источника, – многозначительно заявил редактор, что, по сути, означало только то, что надежность этого источника предстояло определить самому Карлу.

С такими аргументами сложно было спорить, и Дубинин вяло кивнул, признавая поражение. На душе у него было паршиво оттого, что он, с одной стороны, чувствовал себя неудачником на фоне более успешных коллег, а с другой – ему действительно были интересны жизненные истории тех, кто в молодости имел возможность прикоснуться к небожителям. Куда делись все эти великие? Где они прячутся сегодня? Карл бы с удовольствием написал о тех людях, знакомством с которыми на старости лет хвалятся все эти бесконечные мариини, степенны и иваны федоровичи.

Пропустив мимо ушей рассуждения о редакционной политике, Карл закрыл блокнот, поднялся и одним из первых покинул кабинет, в котором проводилась еженедельная летучка.

– Ну ты и фрукт. – Любительница карандашей подошла к нему сзади и дружески хлопнула по плечу. – Ты, когда снова захочешь меня так подставить перед шефом, предупреждай заранее, я хоть подготовлюсь.

Карл пробормотал слова извинения, в мыслях послав собеседницу ко всем чертям. Его всегда раздражали слишком уверенные в себе люди, а эта была как раз такая: смазливая, общительная, всегда в хорошем настроении. Боже мой, подумал Дубинин, ей, наверное, даже перегар пойдет – и откуда такие берутся? Идеальные черты лица в обрамлении черных волос, великолепная фигура, огромные глаза – нет, такого цвета просто не бывает. Вставила линзы? Неужели свои? Из детства вспомнилось «ядра чистый изумруд» – как раз такими он их себе и представлял всегда.

– Ты вот что, – на прощание предложила девушка, которая, казалось, испытывала искреннюю симпатию к Карлу. – Если станет совсем невтерпеж, свисти – я подкину тебе пару-тройку тем. А главному скажу, что у меня завал. Лады?

– Лады.

А она совсем не такая дура, какой казалась, мысленно присвистнул Дубинин. Странно, почему они раньше не общались? Впрочем, пока все это лишь слова. Посмотрим, как она себя поведет, когда дело дойдет до реальной помощи. Теперь оставалось вспомнить, как ее зовут. Вера? Ирина?.. Да, вроде бы Ирина.

Карл нерешительно огляделся вокруг – если до собрания редакция напоминала муравейник, в котором каждый из всех сил старался изобразить бурную деятельность, то теперь все превратилось в ленивых осенних мух, жужжащих между собой на какие угодно темы, не касающиеся работы. С тоской взглянув на рабочий стол, заваленный распечатками архивных документов, Дубинин нерешительно почесал затылок – у него так и не получилось избавиться от этой глупой привычки, сохранившейся с юности и еще тогда вызывавшей насмешливые ухмылки одноклассников: ему одинаково не хотелось разгрести весь этот бардак и созваниваться с пресловутой Марией Степановной. Сказаться больным? А зачем, собственно? В редакции никто никого не контролировал, и сотрудники сидели за своими перегородками скорее по привычке, нежели из реальной необходимости. Нерешительно потоптавшись еще минуту на месте, Карл во всеуслышание заявил о том, что собирается уйти, и если у кого-то есть к нему вопросы, пусть задают сейчас. Естественно, ни у кого вопросов не было – и он со спокойной совестью отправился по своим делам. Оставалось только придумать эти дела – ведь и перспектива возвращаться домой не представлялась ему заманчивой.

Когда-то давно, еще в студенческие годы, Дубинин считался перспективным женихом, и девушки с удовольствием отвечали на его неуклюжие ухаживания. А у нее, той самой, что должна была стать единственной и на всю жизнь, были синие глаза и еще две внушительные причины для длительных отношений, которые закончились ровно через год после того, как начались...

– Дорогая, ты помнишь, какой сегодня день? Наш первый юбилей!

– Обалдеть, счастье-то какое! – И она ушла, устав радоваться мелочам, которые, как выяснилось, Карл ценил больше, чем семейный комфорт.

Честно говоря, он так и не понял, что именно ее не устроило в их совместной жизни. Наверное, все же постоянная нехватка денег. Хотя мама говорила, что ему просто не повезло. Так или иначе, но с тех пор Дубинин-младший утратил способность притягивать к себе внимание представительниц противоположного пола. Еще молодой, он тем не менее производил впечатление не самого удачливого мужчины далеко за сорок.

– Ну, что с тобой делать? – осуждающе разводил руками отец. – Вот когда я был в твоём возрасте, каждая вторая считала счастьем оказаться в поле моего зрения. Ну, и не только, если ты понимаешь, о чём я.

– Да, папа.

– И я имел возможность выбирать. И знаешь, почему мы до сих пор живём с твоей матерью, и при этом счастливы?

– Да, папа.

– Вот именно! Потому что она не была для меня последним шансом. А в твоём случае любая, кто согласится пойти с тобой на свидание, автоматически попадает в зону риска – невозможно, ухватившись за соломинку, построить плот. С её помощью можно только до берега добраться! Да и то вряд ли.

Этот старый философ в майке-алкоголичке и трениках с вытянутыми коленками действительно кое-что соображал в жизни. Глядя на него, Карл был вынужден признать, что тот живёт так, как хочет, и даже сомнительная манера одеваться соответствовала его представлению о внутреннем комфорте.

– А ты? Что мешает тебе оставаться самим собой?

– Да я вроде такой, как есть. – Дубинин провел рукой изящную линию вдоль собственного тела: мол, любуйся мной полностью. – Что тебя во мне не устраивает? Работой обеспечен, жилплощадью – тоже. Или ты забыл, как вы загнали свою квартиру и переехали ко мне? Как ты тогда сказал? Пока не подвернется что-нибудь подходящее, так вроде? Не напомним, сколько лет назад это было?

– Я вообще не понимаю, в кого ты такой. Не мужчина, а тряпка. Тьфу, – плюнул отец и с раздраженным видом вышел из комнаты, избежав, таким образом, неудобной для себя темы разговора.

Карл улыбнулся, смакуя эту маленькую победу, – прежде ему никогда не удавалось вывести старика из себя. Впрочем, несмотря на все это, он прекрасно понимал, что его неудачи на любовном фронте никак не связаны ни с родителями, ни с маленькой зарплатой. Все дело было в нём самом. Женщины чувствовали сильных мужчин и тянулись к ним. С ним все было иначе. Он просто никогда не умел быть гарантом чего бы то ни было – даже для себя.

– Извините. – Девушка-подросток, уткнувшись в электронный девайс, налетела на него сзади так неожиданно, что он едва не потерял равновесие и не угодил под колеса проезжающего мимо такси. – Вы в порядке?

– Хм... – Карл оглядел себя с ног до головы, словно желая убедиться в том, что все его части на месте, и улыбнулся. – Да, кажется, все в порядке. Пожалуйста, будьте осторожнее.

– Конечно, – весело кивнула та. – Всего хорошего!

Девушка уже давно скрылась из виду, а Дубинин все смотрел ей вслед. Странно, но столкновение с этим беспощадно жизнерадостным существом повлияло на него так, что вдруг и его жизнь стала казаться не такой уж бессмысленной и скучной. Прищурившись и прикрывая глаза ладонью, журналист посмотрел на небо, ожидая увидеть там то, что в детстве наполняло его счастьем, но нет – городской воздух успешно заменял голубой цвет серым, и солнце даже не пыталось это исправить.

Очередной приступ меланхолии, который уже готов был завладеть им полностью, прервал внезапно заверещавший мобильник. С недовольным видом достав из кармана телефон,

Карл нахмурился: номер был ему совершенно не знаком. Тем не менее, вспомнив, что его рабочий день еще не закончился, он нажал на кнопку ответа:

– Слушаю.

– Месье де Бо? – В трубке раздался дребезжащий старушечий голос.

– Дубинин, – поправил он раздраженно, так как не любил, когда кто-либо коверкал его и без того не самую серьезную фамилию. – Карл Дубинин. Чем могу помочь вам?

– О, простите. – В голосе послышалось такое искреннее сожаление, что журналист почему-то почувствовал себя виноватым. – Мне ваш телефон дали в редакции и посоветовали связаться с вами лично, если вы не позвоните мне в течение двух часов. Я честно подождала сто двадцать минут, и вот – я вам звоню. Меня зовут Мария Степановна Мартынова. Наверное, вам говорили обо мне.

Говорить-то говорили, подумал Карл, но что с того? Мартынова – интересная фамилия, убийственно знаковая. Карл любил знаки и всегда следовал им. Старуха еще что-то рассказывала, но журналист уже мысленно согласился встретиться с ней, хотя раньше планировал ограничиться разговором по телефону.

– Да, да, конечно, я обязательно подъеду. – Карл быстро достал блокнот и маленький карандаш, который всегда держал под рукой, и записал адрес. – Прекрасно! Буду у вас через полчаса. До свидания.

Отключившись, он снова взглянул на небо, и оно показалось ему не таким уж и грязным. И если птицы, сидевшие на проводах, еще несколько минут назад не вызывали в нем ничего, кроме тоски и раздражения, то теперь они выглядели даже немного милыми.

«Если бы она еще и родственницей того самого Мартынова оказалась, то было бы совсем хорошо», – подумал Карл, но тут же усмехнулся и пожал плечами: надеяться на такое совпадение было глупо. Решив, что прогулка пойдет ему на пользу, он зашагал в сторону спальных районов, где, судя по адресу, обитала тема его будущей статьи.

Здание было обшарпанным снаружи и скрипучим внутри – Дубинин удивился тому, что еще где-то сохранились деревянные лестницы с резными перилами, покрытыми таким бессмысленным количеством слоев краски, что угадать под ними первоначальный узор не представлялось никакой возможности.

Дверной звонок присутствовал, судя по всему, только для вида – он был едва ли не ровесником самого здания. Вежливо постучав костяшками пальцев по деревянной поверхности двери три раза, Карл огляделся и заметил участок перил, свободный от краски, – вероятно, она отвалилась, не выдержав собственного веса. С интересом рассматривая чудесную резьбу, он услышал, как щелкнул замок, обернулся и увидел хозяйку квартиры, предполагаемую родственницу того самого... Ну, вы поняли. Поздоровавшись, журналист закашлялся, чтобы скрыть улыбку, – ему пришло в голову, что Мария Степановна вполне могла лицезреть Лермонтова вживую. Однако, несмотря на поразительно преклонный возраст, обладательница знаменитой фамилии имела гордую осанку и держала себя с достоинством и даже какой-то архаичной высокомерностью, которая, впрочем, шла ей.

– То, что вы сейчас рассматривали, когда-то являлось частью целого калейдоскопа герметической символики...

Карл уловил в надтреснутом голосе как сожаление, так и нотки гордости.

– Вы как-то причастны к его созданию? – еще раз определив возраст хозяйки как «старая, как бивень мамонта», журналист постарался говорить громче.

– Молодой человек, вам совсем не обязательно кричать. Я, может быть, и стара, но не глуха. – Женщина жестом пригласила гостя войти и, пока он разувался, ответила на его вопрос: – Нет, конечно, он появился задолго до того, как я сюда въехала. Возможно, его привезли откуда-то, поскольку мне сложно представить, чтобы кто-нибудь из местных мастеров

обладал такими глубокими познаниями в этой науке. Даже я не успела расшифровать все символы, изображенные здесь, а ведь кое-какими знаниями я все же обладаю. Но это уже не имеет смысла. Вы сами видели, в каком плачевном состоянии здесь все находится.

– Как же коммунальные службы? – Дубинин спросил скорее автоматически, поскольку внешний вид квартиры Марии Степановны заинтересовал его гораздо больше каких бы то ни было псевдонаучных знаков.

– А кто это сделал, по-вашему? – хрипло рассмеялась старуха. – Это же вредители чистойшей воды. Правда, на них и обижаться-то бессмысленно, хотя бы потому, что они на самом деле стараются. Вот уж правду говорят: заставь дурака Богу молиться... Прости, Господи.

Кивая и периодически вставляя какие-то сочувствующие реплики, Карл тем временем рассматривал место, в которое попал. Все помещение было заставлено старинными вещами – то, что это именно антиквариат, а не барахло, было понятно с первого взгляда: Дубинин, имевший определенное представление об этом замкнутом мирке коллекционеров, мысленно присвистнул от удивления, увидев на стене мастерски выполненный профиль пожилого мужчины.

– Я вижу, вы увлекаетесь живописью? – Старуха встала рядом с журналистом и принялась рассматривать портрет. – Можете предположить, чьей кисти эта работа?

– Ну, увлекаюсь – это очень сильно сказано. – Карл не любил выставлять напоказ свои познания и теперь чувствовал, что начинает нервничать, однако Мария Степановна ждала его ответа, и отступить было некуда. – Я никогда не был знатоком офортов, поэтому не могу утверждать наверняка. Рембрандт, может быть?

– Ну, что вы...

У Дубинина возникло стойкое ощущение, что он снова вернулся в школу и теперь сдавал экзамены преподавателю, который снисходительно качал головой, выслушивая очередную чушь от нерадивого ученика.

– Хотя понять вашу ошибку можно. Это Ван Дейк.

– Ну, почти угадал. А чья копия? – Карл любил выстраивать в голове план материала перед тем, как приступить к его написанию, и теперь раздумывал над тем, куда бы втиснуть информацию о понравившемся ему портрете.

– Почему же сразу копия?

– Так это что, оригинал? Не может быть!

Вот так просто зайти к забытой всеми старухе и обнаружить у нее Ван Дейка, висящего на стене, – журналист, как хищник, почуявший запах крови, принялся рассматривать остальные предметы в поисках следующего артефакта. Проследив за его жадным взглядом, хозяйка не выдержала и рассмеялась:

– Не переживайте, месье, я обо всем расскажу вам в свое время, мы обязательно вернемся к моей коллекции. А сейчас давайте-ка присядем и поговорим о том, зачем я вас, собственно, позвала.

Карл нехотя оторвался от изучения очередного предмета старины и проследовал за Марией Степановной в довольно просторную столовую, в самом центре которой был накрыт изящный столик. Осторожно опустившись на стул, который, как и все в этой странной квартире, мог оказаться чем-то гораздо большим, нежели просто мебелью, журналист с любопытством огляделся, однако был разочарован увиденным – судя по всему, ценные вещи хозяйка хранила в центральной комнате. Во всяком случае, столовая не представляла особого интереса.

– Не переживайте, это обычный стул, – разливая чай, заметила старуха. – Ленинградский мебельный комбинат. Не люблю ощущать историю пятой точкой опоры, это может ее оскорбить. Историю, конечно, не точку. Однажды я решила выпить утренний кофе, сидя на стуле времен Наполеона Третьего – наверное, вы успели его заметить, когда рассматривали мою небольшую коллекцию. Нет? Тем лучше, значит, мне будет, что показать вам. Так вот, села я на него, и тут же подо мной треснула обшивка. Mon dieu! Вы только представьте себе: до

меня на этом стуле сидело неисчислимое количество людей – возможно, и сам император пару раз пристраивался. А тут я – и все. С тех пор я зареклась заигрывать с такой непредсказуемой стихией, как время.

Слушая Марию Степановну, Карл поймал себя на мысли о том, что сам бы ни за что не упустил возможности хоть на пару секунд приобщиться к истории – пусть даже таким пошлым способом. Его всегда привлекали пожившие вещи – именно поэтому его часто можно было встретить на блошиных рынках и распродажах. Еще в детстве отец ругал сына за то, что его комната была завалена каким-то хламом, назначения которого он и сам не всегда мог объяснить. Впрочем, со временем родители привыкли к этой странности Карла и оставили его в покое. Правда, при каждом удобном случае мать под предлогом уборки проводила всеобщую ревизию, в результате которой больше всего страдала, как правило, комната Карла. В конце концов, поняв, что бороться с мамашиними приступами чистоты бесполезно, он упаковал все свои сокровища в коробки и отправил их на чердак, а когда переезжал в собственную квартиру, автоматически захватил их с собой, чтобы так же отправить в подсобное помещение. Скорее всего, они до сих пор там пылятся. Дубинин почувствовал легкое головокружение от предвкушения вечера – он совершенно забыл о том, с каким наслаждением когда-то рассматривал каждую вещицу, пытаясь по едва заметным признакам определить, кому она принадлежала раньше. У него зачесались руки от желания снова прикоснуться к ним.

– Я вижу, что не ошиблась, когда пригласила именно вас.

Карл вздрогнул от неожиданности и обнаружил, что старуха все это время внимательно за ним наблюдала. Поспешно спрятав улыбку, которую вызвали детские воспоминания, он откашлялся, чтобы прийти в себя, и обратился к хозяйке квартиры:

– Конечно, не ошиблись, я специализируюсь на биографиях и мемуарах. Кстати, может быть, начнем?

– Пожалуй, – подумав несколько секунд, старуха кивнула и вопросительно посмотрела на молодого человека. – А где ваш диктофон? Я ведь не ошибаюсь – сейчас все журналисты ходят с диктофонами?

– Я старомоден, предпочитаю работать с блокнотом и ручкой. – Карл устал объяснять каждому, что не пользуется техникой не потому, что не имеет возможности ее приобрести, а потому, что она отдаляет собеседников друг от друга. Впрочем, Марию Степановну объяснение, похоже, полностью устроило, так как она одобительно улыбнулась и, продемонстрировав прекрасно сохранившиеся зубы, сказала:

– Тогда записывайте. Хотя должна сразу предупредить вас: память меня иногда подводит, поэтому я могу путаться в датах и цифрах. Так что вы уж подправьте потом все, что необходимо. Но я обещаю, что постараюсь соблюдать последовательность, насколько это возможно.

Карл открыл блокнот и начал привычными движениями профессионального стенографа переносить на бумагу все, что рассказывала ему Мария Степановна Мартынова.

– Я родилась в Гродненской губернии на северо-западе Российской империи в семье обедневших дворян. Я помню, как...

– Простите. – Дубинин не любил оставлять на потом моменты, которые требовали уточнения. – Вы сказали «Российской империи»? Простите меня за такой вопрос, но все же я должен его задать: сколько вам лет?

– Много, дорогой мой, много. – Рассказчица с сожалением провела рукой по седым волосам. – Я родилась в 1902 году.

– То есть вам...

– Сто семнадцать лет. Если не верите, могу показать паспорт.

– В этом нет никакой необходимости. – Карл был потрясен колоссальностью услышанного числа, но постарался не показать этого. – Продолжайте, пожалуйста, я постараюсь не перебивать вас больше.

– Благодарю. Я помню, как отец пахал землю и работал в кузнице. И в то же время он постоянно напоминал нам о том, что мы принадлежим к уважаемому древнему роду Мартыновых. У меня было два брата и три сестры – и каждый из нас ежедневно учил французский, латынь и греческий. Возможно, папа не хотел признаваться себе в том, что прошлая жизнь, которую он помнил, навсегда потеряна. Или просто желал видеть нас образованными людьми. Так или иначе, но к тому моменту, когда к власти пришел пролетариат, мы уже подрабатывали уроками в более состоятельных домах. Не знаю, чем бы все обернулось, если бы не революция. В то время мы не думали о том, что будет дальше, – нам просто было интересно наблюдать за всем со стороны. Когда же до нас дошло, что мир, к жизни в котором мы готовились, скоро изменится до неузнаваемости, был созван срочный семейный совет. Отец решил, что лучшим решением для всех нас станет эмиграция во Францию.

– Так почему же вы не уехали? – спросил Карл, забывший об обещании не перебивать.

– Разве я сказала, что мы остались? – Мария Степановна удивленно подняла брови. – Как раз наоборот. Мы собрали все наши пожитки, и все – прощай, родной дом.

– Но вы вернулись?

– Да, однако это случилось много позже. Не могу сказать, что жизнь в Европе была легкой – нас там не ждали. Конечно, те, кто привез с собой достаточно средств, могли обеспечить себе вполне достойное существование, но, поскольку мы приехали с пустыми карманами, первое время было очень сложно. Тем не менее у нас были определенные знания, и через пару лет мы уже имели постоянный доход. Конечно, шиковать не получалось, но мы не голодали, это главное. Кроме того, Париж обеспечил меня тем, чего я никогда бы не нашла дома, – культурой.

– Вы хотите сказать, что в послевоенной России царил бескультурье? – Карл в силу воспитания всегда довольно болезненно относился к моментам, связанным с историей родины.

– Что вы, и в мыслях не было. Но мое положение не позволило бы мне дотянуться до звезд, если вы понимаете, о чем я. А в эмиграции все гораздо проще – тут тебе и Бунин, и Кандинский, правда, намного позже. Там я познакомилась с Пикассо и его женой Ольгой. Прекрасная была пара, скажу я вам. Очень красивая. Он даже рисовал меня, но я не знаю, сохранился ли этот рисунок. Однако вы не должны воспринимать меня как часть той богемной жизни – я была далека от нее. Скорее, мне выпала роль стороннего наблюдателя. Не могу сказать, что меня это расстраивает, но иногда, когда я думаю о том периоде своей жизни, то жалею об упущенных возможностях. Впрочем, тогда я воспринимала все как само собой разумеющееся. Это сейчас они стали легендами, а в первой половине двадцатого века все эти персонажи были обычными живыми людьми, которые могли напиться в кабаке и затеять драку, чтобы уже через полчаса снова обниматься и клясться друг другу в вечной любви. Да, это было странное время.

– Извините, я никак не могу сдержаться... – Дубинин отложил в сторону карандаш и вопросительно взглянул на женщину, мечтательно глядящую в окно. – Мне для материала понадобятся хоть какие-то иллюстрации. У вас, случайно, не сохранились фотографии того времени?

– Как же, как же... Секундочку.

Мария Степановна засуетилась и, попросив журналиста подождать, вышла в соседнюю комнату, в которой Карл еще не был. Спустя пару минут она вернулась и положила перед оторопевшим Дубининым, который не ожидал, что его просьба будет выполнена, толстый фотоальбом. Было видно, что он очень старый, – молодой человек обратил внимание на обложку с гербом Российской империи и тихо выпал в осадок.

– Да, этот альбом мне достался еще от родителей. Видите, ему почти столько же лет, сколько и мне – когда-то он был красивого изумрудного цвета. Ну да ладно, посмотрим, что тут у нас. Я уже и забыла, когда в последний раз открывала его.

Карлу вдруг пришло в голову, что черно-белые изображения мало чем отличаются от динозавров – их так же откапывают, чтобы затем, нацепив на нос очки, стараться что-то на

них рассмотреть. Конечно, случаются и приятные исключения. Вот, например, в камеру улыбается молодая красивая женщина. Наверное, она пользовалась успехом у мужчин. И вполне вероятно, что на такого, как Дубинин, эта сердцеедка не обратила бы никакого внимания. Интересно, какого цвета были ее глаза? Конечно, определить это сейчас было сложно – время обесцветило прежнюю красоту, и теперь глаза Марии Степановны были просто неопределенно мутными, как паста из авокадо, размазанная по тарелке и оставленная на пару суток. Судя по всему, фото постановочное – чернила дорогие, бумага качественная, сохранилась очень хорошо. Лица, лица, лица. Журналист про себя отметил, что тогда умели одеваться и преподносить себя гораздо лучше, чем теперь. Каждого второго можно было бы хоть сию минуту вести на киностудию. Снова какие-то люди. Мама дорогая... Да вы шутите!

– Да, это мы с Олечкой и Павлушей. Она его так называла нежно, пока не появилась девица, из-за которой они расстались, даже неприятно оттого, что мы тезки. Хотя, наверное, это все равно случилось бы рано или поздно. Знаете, в то время и в том обществе мало кто был способен удержаться от соблазнов. Более того, это было даже как-то немодно – хранить верность. Нынешнее поколение вряд ли поймет такую тотальную инфантильность, граничащую с безумием. Как странно смотреть на всех этих людей... Никого ведь из них давно нет в живых. Представляете, каково это: понимать, что все – все! – кого ты знала, перестали дышать несколько десятилетий назад. А я до сих пор все помню так четко, будто это было вчера.

Мария Степановна мечтательно оперлась подбородком о кулак, отчего ее аристократичная внешность отошла на задний план, уступив место обычной пожившей женщине, сожалеющей о навсегда утраченной юности.

– Хм, да, наверное. – Карлу совершенно не хотелось представлять себя на ее месте, и поэтому он с увлечением принялся рассматривать оставшиеся фотографии. Однако больше ничего интересного ему найти не удалось, и он разочарованно отодвинул от себя альбом, не забыв предварительно вынуть из него ценное изображение с Пикассо. – Это на самом деле потрясающе! Можно я возьму с собой это фото? С возвратом, конечно.

– Забирайте, конечно.

– Благодарю вас! Я и представить себе не мог, что рядом со мной, практически на соседней улице, живет такой удивительный человек, как вы.

– Доживает, вы хотели сказать? – Странно, но даже невеселая усмешка старухи не оставляла впечатления безнадеги и обреченности, каких можно было бы от нее ожидать. Несмотря на то что она, судя по всему, была одинока, Дубинин не заметил и капли той навязчивости, которая свойственна пожилым людям, лишенным общества. Поразительная женщина. Карл невольно подумал о том, что многое бы отдал за возможность познакомиться с ее молодой версией.

– Еще раз прошу меня простить, – вспомнив о цели визита, журналист снова взял в руки блокнот. – Я перебил вас. Вы остановились на образе жизни эмигрантов в Париже. Это очень интересный момент, но мой редактор сказал, что вы были знакомы с Гумилевым. Если я не ошибаюсь, Николай Степанович в последний раз был во Франции в восемнадцатом году. Вам, соответственно, тогда было всего шестнадцать. Что общего могло быть у русского офицера и столь юной особы? Неужели вы тогда увлекались поэзией?

– Нет.

Как же Карл не любил это хитрое выражение на лицах пожилых людей – ему так и не удалось научиться определять, когда его надувают, а когда говорят правду.

– Я познакомилась с ним не тогда, а несколько позже. В двадцать втором.

– Но разве за год до этого его не... – Дубинин вопросительно взглянул на собеседницу, словно спрашивая, не о разных ли Гумилевых они говорят.

– Скажите мне, молодой человек. – Мария Степановна как-то вдруг преобразилась и словно помолодела, хотя на вид ей все так же было далеко за тот возраст, когда разница в десять

– пятнадцать лет считается уже несущественной. – А что вы скажете, если я предложу вам абсолютно эксклюзивную информацию, касающуюся не только давно ушедших людей, но и вас лично? Нет, не переживайте – я не торгую тайнами. Тем более что я знаю, что у вас денег нет.

Карлу стало неприятно оттого, что старуха была вынуждена произнести подобную ремарку. Неужели его плачевное финансовое положение настолько бросалось в глаза?

– Так что вы скажете? – переспросила хозяйка.

– Простите, но я, кажется, не совсем понимаю, о чем вы говорите. – Дубинин немного отстранился, восстанавливая комфортное расстояние между собой и собеседницей. – Каким образом то, что известно вам, может иметь значение для меня?

– Может. – Старуха уверенно и даже как-то лихо тряхнула головой и, выдержав торжественную паузу, заявила: – И значение немалое. Однако я вижу, что вы не готовы сегодня к этому разговору. Что ж, возможно, это даже к лучшему. Идите домой. Отдохните, выспитесь, наконец. У вас будет целый вечер, чтобы поразмыслить о том, что вы сегодня услышали, и решить, хотите ли продолжить общение. Если вам интересно мое предложение, жду вас завтра в это же время.

– Но я думал... – Журналист был немного сбит с толку происходящим. – Я не уверен, что завтра смогу. У меня ведь и другая работа есть. К тому же время...

– Время – это миф, – неожиданно заявила Мария Степановна. – Жизнь длинна и коротка одновременно. Она может вместить целую вселенную, а может оборваться, едва начавшись. Я не говорю о ранней смерти. Скорее, речь идет о нереализованных возможностях. Свернул человек не туда – и его существо воспротивилось этому. Бог ведь для каждого из нас уготовил широкую освещенную дорогу, а дьявол испещрил ее невероятным количеством тропинок, ведущих в никуда. Никто не знает, почему мы часто предпочитаем сбиться с жизненного пути и уткнуться носом в стену, вместо того чтобы продолжать двигаться вперед. Вот вы, Карл, знаете, куда идете? Какова ваша конечная цель? Я не утверждаю этого, но, возможно, имеет смысл остановиться и задуматься о том, где и когда вы ошиблись с выбором направления? Поразмыслите об этом сегодня вечером. Вернетесь вы завтра или нет – выбор за вами. Я могу лишь сказать, что буду рада видеть вас.

Не найдясь, что ответить, Карл поднялся, сложил в портфель письменные принадлежности и попрощался с хозяйкой квартиры. Спускаясь по лестнице и стараясь при этом не прикасаться к перилам, которые из обычного подъездного атрибута теперь превратились в некий артефакт, он удивлялся тому, как удачно у госпожи Мартыновой получилось выставить его за дверь и при этом не ответить на последний вопрос о Гумилеве. Наверное, у нее богатый опыт такого рода манипуляций. Журналист никак не мог определиться с тем, как относиться к Марии Степановне – то ли как к сумасшедшей, то ли как к восстановленной части HDD, в которой вдруг обнаружилась информация, которая давным-давно считалась потерянной. Фотография, вложенная в блокнот, говорила в пользу второго варианта, но Карл не любил делать скоропалительных выводов и поэтому, решив, что утро вечера мудренее, выбросил на время из головы странную квартиру и отправился домой.

* * *

– Милый, почему мы постоянно ходим в это отвратительное место? Я ведь говорила тебе, что эти уродцы раздражают меня. Что за фетиш, Пабло?

Молодой мужчина самой обычной наружности, развалившийся на стуле и лениво покачивающийся из стороны в сторону правой ногой, закинутой на колено левой, молча улыбнулся в ответ и потянулся за бокалом с густой темной жидкостью. Было видно, что он привык к таким разговорам и поэтому не обращал на них внимания. Однако его очаровательная спутница, пребывавшая не в самом хорошем расположении духа, настаивала:

– Почему мы перестали ходить в De Flore? Чем тебя не устроило это милое местечко?

– Там стало слишкомлюдно, – нехотя проговорил мужчина сквозь зубы, ставя бокал на место и раскуривая трубку.

– Там собирается весь интеллектуальный цвет общества! – с апломбом заявила женщина и капризно выпятила нижнюю губу. – А здесь нет никого, кроме этих твоих японцев и противного Бретона.

– Во-первых, это фигурки не японцев, а китайцев, – возразил Пикассо. – Во-вторых, здесь подают прекрасный ликер. Ну и, в-третьих, в De Flore собирается не весь цвет общества. Мы-то здесь. И чем тебе не угодил Бретон?

Делая вид, что слушает гневную тираду жены, Пабло периодически покачивал головой и удивлялся тому, что совсем недавно эта женщина была единственным смыслом его жизни. Да, вот что материнство делает с богинями – оно их приземляет, всучивая новые ценности и меняя мировоззрение. Помнится, когда он впервые привел ее сюда, она была в восторге от того, что здесь когда-то бывал Артюр Рембо. Подумать только – сам Рембо! Куда все исчезло?

– А его «Труп» ты читал? Это же чистейшей воды профанация! В одном мизинце Анатоля было больше таланта, чем во всем вашем хваленном Бретоне. Кроме эпатажа и толпы безумных юнцов, у него ничего нет и быть не может...

Прежний Пабло обязательно возразил бы – и они бы, скорее всего, поссорились. Но сейчас у него не было ни сил, ни желания вступать в дискуссию, даже несмотря на то, что сам он считал сюрреалистов интересными ребятами и даже причислял себя к ним в каких-то творческих моментах. Вдыхая густой ароматный дым, Пикассо взглянул в окно – парижская осень двадцать шестого выдалась дождливой, но ему всегда нравилась такая погода, чего нельзя сказать о его супруге. Может быть, поэтому она и нервничает?

– Скажи мне, милая. – Он перебил женщину, которая, запутавшись в собственной обвинительной речи, уже успела перекинуться с Бретона на покойного Аполлинера. – Как ты смотришь на то, чтобы плюнуть на все и махнуть куда-нибудь к морю?

– А Поль? Или ты забыл о том, что у нас теперь есть сын? – Ольга прищурилась, подзревая подвох, но лицо мужа было таким безмятежным, что она, поддавшись его очарованию, улыбнулась. – Ты прав, милый. Всегда можно договориться, чтобы за ним приглядели. Мы с тобой действительно очень давно не отдыхали вместе. Куда ты хочешь поехать?

Пабло уже открыл рот, чтобы ответить, но в этот момент в кафе вошла привлекательная молодая особа и, заметив супружескую пару, направилась прямо к их столику. Несмотря на то что ее русые волосы, вопреки моде, были собраны в косу, это нисколько не мешало ей идеально вписываться в окружающую действительность, дополняя ее и внося определенную долю свежести. Не дожидаясь приглашения, она изящно опустилась на свободный стул и только после этого приветливо помахала сначала Ольге, потом – Пабло.

– Салют!

– О, Мари, как хорошо, что ты зашла. – Мужчина выпустил в воздух такой яростный клуб дыма, что на мгновение пропал из вида, однако тут же вынырнул из него и насмешливо скосил глаза, давая понять, что общество супруги его утомило. К счастью, Ольга не заметила этого.

Было видно, что все трое находятся в прекрасных отношениях, – спустя несколько секунд они уже увлеченно делились новостями, причем отстраненность, которая только что была между мужем и женой, вдруг куда-то исчезла, словно ее и не было вовсе.

– Робида умер, слышали? – Мари грустно вздохнула и подняла глаза к потолку.

– Кто это? – Пабло привык считать себя весьма эрудированным человеком и не любил, когда в его обществе упоминали тех, о ком он ничего не знал. Ольга, напротив, сразу поняла, о ком идет речь, потому что тут же отмахнулась:

– Невелика потеря.

– Как ты можешь так говорить? – возмутилась Мари. – Он был великим человеком, и то, что о нем забыли, нисколько не умаляет его достоинств и, скорее, говорит о нашей непредусмотрительности и склонности закрывать глаза на то, что нас не устраивает по тем или иным причинам.

– Не знаю. Может быть, ты и права, но меня он, честно говоря, пугает. Вернее, уже – пугал.

– Да кто он такой, в конце концов?! – Пикассо становился неприятным, когда выпадал из разговора. Несмотря на многочисленные замечания супруги, он так и не смог избавиться от этой черты характера, которая была свойственна многим талантливым людям, избалованным вниманием публики.

– Многие называли его антиутопистом, – примирительным тоном заговорила Мари. – Но я считаю его провидцем, который обладал великим даром видеть будущее, как никто другой. Его трагедия была в том, что он не умел вовремя остановиться.

– То есть?

– Ну, пока он просто писал, его считали забавным. Но когда все, что он перенес на бумагу, начало сбываться, люди, испугавшись, отвернулись от него.

– Но это же глупо! – Пабло искренне возмутился и мысленно пообещал себе познакомиться с творчеством писателя поближе при первом удобном случае.

– Глупо, – согласилась девушка. – Я знала его лично и могу сказать, что нам предстоит еще не раз удивиться тому, как четко он видел этот мир. Мне иногда кажется, что он был практикующим хирургом, но разрезал не человеческие тела, а препарировал саму жизнь со всеми ее опухольями и жировыми отложениями.

– Мари, фу! – Ольга брезгливо сморщилась. – Давай обойдемся без физиологии, ты ведь знаешь, что я не терплю этого.

– Нет, нет, продолжай, – заинтересовался Пикассо. – Вскрытие жизни – это интересный образ.

Ольга решительно поднялась со своего места и взяла в руки изящный зонт, расписанный вручную самим художником:

– Или вы прекращаете говорить всякие гадости, или я ухожу сейчас же!

– А мы с Ольгой решили податься в теплые края. – Пабло умел так быстро менять тему разговора, что у его собеседников просто не оставалось времени обижаться на него. Вот и сейчас он принялся перечислять места предполагаемого отдыха, будто только это его и интересовало. Ольге не оставалось ничего, кроме как сесть и, сердито сверкая глазами, ждать момента, который позволил бы ей доиграть до конца роль оскорбленной невинности. Однако Пикассо не был намерен предоставлять ей такую возможность, и спустя уже пару минут Ольга, забыв про недавнюю обиду, включилась в обсуждение плюсов и минусов курортов, которые ей предлагал муж.

– Океания? Чтобы ты там бегал за молодыми таитянками, как Гоген? А мне что прикажешь делать, пока ты будешь развлекаться? Нет, меня это не устраивает. К тому же я не хочу уезжать слишком далеко от дома. Няньки няньками, но Полю всего пять лет, ему необходимо материнское внимание. Может быть, просто поедем на юг Франции? Там сейчас, наверное, очень красиво – и морской воздух пойдет тебе на пользу. Я ведь говорила, что ты слишком много куришь.

– Разве это путешествие? – Пикассо недовольно скривился, представив себе прогулки по побережью в промозглую погоду. Он, конечно, любил дождь, но предпочитал наблюдать за ним, сидя в уютном теплом помещении и потягивая ликер или коньяк. – К тому же сейчас там слишком холодно для купания, а покидать камешки в воду я и здесь могу. Это вообще не вариант. С гораздо большим успехом мы могли бы сейчас отправиться в твой любимый De Flore – впечатлений будет больше, а времени, потраченного на дорогу, меньше.

– Так я тебе об этом уже битый час говорю! – победно воскликнула Ольга, поймав супруга на слове. – Не нужно мне никакого моря, если ты прямо сейчас согласишься пойти со мной туда.

– Нет, вы слышите эту женщину? – простонал Пабло, обращаясь то ли к потолку, то ли к статуэткам китайцев, насмешливо наблюдавшим за ними сверху. – Вот всегда она так. Месяцами донимает меня разговорами о том, как хотела бы поплескаться в теплой воде и поваляться на песке, а как только я соглашаюсь, тут же разворачивается на сто восемьдесят градусов. Хорошо, я согласен, если Мари пойдет с нами. Мне нужен хоть кто-то, с кем было бы приятно пообщаться.

– Извини, но сейчас я никак не могу, мне нужно завершить одно дело. – Мари мысленно улыбнулась, вспомнив о том, сколько ей понадобилось времени, чтобы научиться отказывать Пабло, однако, заметив, как помрачнел художник, поспешила добавить: – Но я обязательно присоединюсь к вам чуть позже. Обещаю.

– Ну, если только так. – Пикассо все еще хмурился, но уже готов был уступить супруге. Тем не менее ему хотелось, чтобы последнее слово осталось за ним, поэтому он многозначительно предупредил Ольгу: – Но я иду при одном условии: если там не будет никого, кроме этих сумасшедших подражателей, которых ты называешь художниками, то я оттуда сразу уйду, так и знай.

– Я слышала, что туда Дали периодически заглядывает, – напомнила Мари.

– Кто? – не понял Пабло.

– Ну, Павлуша, неужели ты не помнишь Сальвадора? Он такой вежливый и в то же время абсолютно самодостаточный – подобное сочетание сегодня встречается все реже и реже. В нем сразу видна порода. – Ольга не без оснований считала себя специалистом по отделению «нужных» от «ненужных» – часто ее выводы, сделанные уже после пары минут общения с человеком, на сто процентов соответствовали действительности, поэтому Пабло всегда прислушивался к мнению супруги по поводу своего окружения.

– А, так ты о том молодом человеке, с которым мы познакомились на днях? Да, он интересный персонаж. Ты его хорошо знаешь, Мари?

– Не то чтобы очень, но кое-что слышала. Многие считают, что его ждет большое будущее.

– Может быть, так и будет.

Обняв на прощание Мари и еще раз взяв с нее обещание обязательно присоединиться к ним в ближайшие же полчаса, супружеская чета Пикассо двинулась в сторону кафе De Flore. Девушка дождалась, пока они скроются из виду, и только тогда устало вздохнула. Они были милыми людьми, и ей хотелось запомнить их такими – молодыми и счастливыми. Впрочем, с судьбой не поспоришь. Мари проверила, что ничего не оставила на столе, и, собравшись, прошла в дамскую комнату. Когда официант, обеспокоенный ее долгим отсутствием, наконец решился постучать в дверь, ему никто не ответил. Тогда он попросил одну из постоянных посетительниц Les Deux Magots проверить дамскую комнату. Заглянув внутрь, та заявила, что внутри никого нет. Это открытие заставило официанта задуматься о том, что он слишком много работает, и пора бы уже начать беречь себя. Однако у него не было ни времени, ни желания разбираться в этой странности – трое постоянных клиентов заплатили по счету и оставили весьма щедрые чаевые, а на их место уже претендовала еще одна парочка зажиточных буржуа. Вздохнув и бросив тоскливый взгляд на статуэтки китайцев, работник общепита перекинул через руку белоснежное полотенце и нацепил на лицо дежурную улыбку.

Вероятно, официант был бы еще больше сбит с толку, если бы ему сказали, что девушка, таинственным образом испарившаяся из дамской комнаты, уже находится за несколько тысяч километров от его кафе. Тем не менее это было так. Мари наблюдала за статным мужчиной, который, казалось, безо всякой цели прогуливался по каменной дороге. Можно было пред-

положить, что перед ней был праздно шатающийся представитель высшего света – хороший костюм идеально сидел на его атлетической фигуре, а трость, которую он держал в руке, была скорее внешним атрибутом, нежели необходимостью. Его военная выправка выдавала в нем офицера, однако это было достаточно распространенным явлением, особенно после недавних событий, заливших полмира кровью. Короткая стрижка, которая плохо соответствовала моде, говорила только в его пользу – мало кто из неуверенных в себе людей согласится выглядеть естественно, если есть возможность подчеркнуть свою индивидуальность, смешавшись с толпой таких же индивидуальностей, похожих друг на друга как две капли воды.

– Николай Степанович! – подумав о том, что такое пристальное внимание с ее стороны может быть истолковано неверно, девушка, наконец, окликнула мужчину, который тут же развернул руки в стороны и с дружелюбной улыбкой пошел к ней навстречу:

– Мария Степановна, как я рад вас видеть! А я уже было подумал, что вы забыли обо мне. Признаюсь, меня бы это очень расстроило. Как оказалось, Великая Китайская стена живописна только на фотографиях – на самом деле уже после пары часов, проведенных здесь, можно сдохнуть от скуки.

Дубинин не привык видеть сны. Вечером мужчина закрывал глаза, а утром открывал их – его ритуал был до тошноты прост и однообразен. Нельзя сказать, чтобы его это расстраивало, напротив, со временем Карл убедил себя в том, что это даже хорошо. Мозг должен ночью отдыхать, а не заниматься всякими глупостями – так он говорил коллегам, которые по утрам часто делились друг с другом своими фантазиями на тему того, что тот или иной образ мог бы означать. И вот – сегодня журналист с удивлением и даже раздражением понял, что спит. Произошло это совершенно неожиданно. Он прогуливался по аллее, когда его окликнул знакомый старушечий голос. Правда, ему сразу показалось, что Мария Степановна двигается слишком быстро и свободно для своего возраста, но Карл приписал это благотворному влиянию свежего воздуха. Кроме того, он ведь наблюдал ее только один раз – да и то в квартире. Кто знает – возможно, физически она еще вполне ничего.

– Доброе утро! – Он подчеркнуто вежливо улыбнулся и выдал пару дежурных фраз: – Решили прогуляться? Прекрасная погода сегодня стоит, не правда ли?

Как же мы любим произносить лишние слова, подумал Карл, поморщившись. Привет, как дела, что нового, да что ты говоришь, поверить не могу... Или еще лучше: чума, жесь, обалдеть. Насколько проще стала бы жизнь, если бы мы не были обязаны поддерживать никчемные диалоги. Просто взглянул собеседнику в глаза – и все. Да, конечно, общение делает нас людьми. Социальные нормы, воспитание. Но когда слово перестало иметь ценность? Почему его материалы оцениваются не по важности содержания, а по количеству знаков? И не потому ли мы стараемся все свободное время заполнить какими-то звуками, забыв о ценности тишины?

– Да, погода действительно радует, – отозвалась госпожа Мартынова, зачем-то шурясь и как-то странно посмеиваясь. – Только какое же это утро? Скорее вечер. Вы, наверное, опять допоздна работали, месье Дубинин? Нельзя так, вы совсем не жалеете себя.

Карл оглянулся вокруг и обнаружил, что было как минимум пять часов осеннего вечера. С недоумением посмотрев на наручные часы, он постучал указательным пальцем по циферблату и поднес руку к уху: механизм не работал.

– Наверное, забыл завести, – произнес он растерянно, словно это оправдание могло что-то объяснить.

Прежде журналист никогда не сталкивался с подобным и теперь не на шутку обеспокоился. В голове тут же всплыли рассказы знакомых о том, как диагностировать инсульт на начальной стадии, воспоминания о соседке, которой он бесчисленное количество раз помогал найти дорогу к дому, потому что та с завидной постоянностью раз в неделю забывала о том,

кто она и зачем. Может быть, и он начинает потихоньку сходить с ума? Нет, нет, это совсем не вовремя.

– А это всегда происходит не вовремя. – Видимо, Карл, задумавшись, произнес вслух последние мысли, и Мария Степановна озвучила собственные соображения по этому поводу. – Но вам волноваться, действительно, еще рано. У вас ведь все впереди, а разум начинает выкидывать странные шутки только тогда, когда мы находимся на стадии завершения жизненного пути.

Понимая, что старуха несет полную чушь, Дубинин все же не стал ее разубеждать и только снова вежливо улыбнулся. Журналист надеялся на то, что их общение на этом и закончится и он сможет продолжить прогулку, однако Мария Степановна неожиданно взяла его под руку и потянула за собой. Карлу не оставалось ничего, кроме как подчиниться, и он, мысленно ругая себя за мягкотелость и неумение отказывать, приготовился к долгим и нудным рассуждениям о том, как нынешний мир отличается от прежнего. Тем неожиданной для него стало то, что он услышал.

– Вы переживаете по поводу потерянного со мной времени? – Вопрос был произнесен самым дружелюбным тоном, но был при этом настолько провокационным, что молодой человек смутился и не нашелся, что ответить. Прождав несколько секунд, старуха продолжила: – Но ведь вы никуда не спешите и даже не знаете, что здесь делаете.

Дубинин насмешливо фыркнул: он редко когда позволял себе слоняться без дела и всегда знал, зачем и куда идет. Тем не менее, подумав, пришел к выводу, что в этот раз и правда не имел ни малейшего представления не только о том, куда направлялся, но и как вообще здесь очутился.

– Наш мозг – весьма оригинальная штука. – Мария Степановна, увидев пустую скамейку, направилась к ней. Смахнув с деревянной поверхности сухие листья, она, опираясь на руку журналиста, медленно опустилась и пригласила Карла сесть рядом. – Нам кажется, будто мы его контролируем, но зачастую получается как раз наоборот. Нами управляет подсознание, но мы сами не понимаем этого.

– На то оно и подсознание, – буркнул Карл, который никогда не любил разговоры, претендующие на какую-то псевдоглубину.

– Я вижу, что вам наскучила моя болтовня, – понимающе кивнула старуха. – Что ж, я не обижаюсь на вас – иногда я и самой себе кажусь ужасно занудной, но мне с этим приходится мириться, и, конечно, требовать от вас того же я не вправе.

Дубинину стало стыдно за свое поведение, поэтому он поспешил извиниться и заявил о готовности разговаривать на какие угодно темы хоть до следующего утра. Тем более, отметил про себя журналист, память к нему так и не вернулась, поэтому можно было, по меньшей мере, проявить уважение к пожилому человеку.

– Вы подумали о моем предложении? Простите мою настойчивость, но у меня, к сожалению, остается не так много времени.

– О предложении? – Дубинин не сразу понял, о чем говорит собеседница, но затем кивнул. – Да, конечно, мне было бы очень интересно выслушать вас. Вот только блокнот достану.

– Он вам не понадобится.

– И тем не менее. Я, знаете, не привык обходиться без него – конспектирование помогает мне запомнить все подробности разговора.

Открыв блокнот, журналист решил, по обыкновению, проставить дату и с удивлением обнаружил, что карандаш по какой-то причине не оставляет за собой следов. Графит бегал по чистому листу бумаги, но она оставалась чистой. Карл вопросительно взглянул на госпожу Мартынову, будто спрашивая, видит ли она то же, что и он, но, натолкнувшись на ее насмешливый взгляд, просто вздохнул и спрятал блокнот.

– Что ж, приступим. Я весь внимание.

– Прекрасно! – Мария Степановна радостно заулыбалась. – Прежде всего, скажите, вы не будете возражать, если я вас буду звать иначе?

– То есть? – Молодому человеку показалось, что он ослышался. – Иначе – это как?

– Ну, во-первых, фамилия Дубинин вам совершенно не подходит. Я не имею ничего против нее конкретно, но в вашем случае это скорее историческая ошибка, произошедшая или случайно, или намеренно по причинам, которые мне не совсем ясны.

– Я совершенно не понимаю, о чем вы сейчас говорите, – признался журналист, чувствуя себя крайне неловко под пристальным взглядом старухи. Ему вообще начинало казаться, будто все это происходит не с ним.

– Я объясню. Представьте себе, что некий человек покидает свой дом и переезжает в другую страну на постоянное место жительства. Естественно, что его имя и фамилия претерпевают определенные изменения – подобных примеров я могу привести множество. Вспомним тех же Фонвизина и Лермонтова – конечно, это не совсем наш случай, но все же. Так вот, приезжает некий господин, фамилия которого звучит как де Бо, а зовут его, допустим, Бертраном.

– Француз?

Дубинин воспринимал рассказ старухи как сказку и поэтому не видел ничего предосудительного в насмешливом тоне, которым задал этот вопрос. Чем-то вся эта стройная и причесанная болтовня, которая тем не менее была обычной профанацией, напоминала ему лекции по международному праву, курс которых он прослушал, будучи студентом университета, – его преподаватель был мастером слова и любил сбивать аудиторию с толку, выдавая собственные выдумки за исторические факты. При этом каждый его подобный рассказ получался таким захватывающим и интересным, что будущие журналисты, зная уже о склонности лектора к сочинительству, с таким удовольствием съедали каждую его очередную байку, что периодически даже просили добавки. Карлу понадобилось несколько лет, чтобы понять смысл этих историй – в каждой из них под слоем фантастики была спрятана та информация, ради которой все и затевалось. Затею преподаватель реализовывал с таким мастерством, что большую часть его рассказов молодой человек помнил до сих пор наизусть.

– Именно так, – кивнула Мария Степановна, прерывая цепочку приятных воспоминаний, нахлынувших на собеседника. – Итак, он приезжает и покупает дом где-нибудь в сельской местности. В том, зачем ему это понадобилось, мы разбираться не будем. И вот – он живет среди простого народа, постепенно ассимилируясь и стараясь не привлекать к себе лишнего внимания. Но де Бо – это не совсем местная фамилия, и со временем она трансформируется, приобретая самые причудливые формы. Вы ведь журналист и, наверное, имеете определенное представление о семантике, верно? Значит, вам не будет сложно проследить путь от де Бо до Дубинина.

– Да, конечно. – Карл рассмеялся, представив себя в роли этого таинственного французского дворянина. – Простите, не смог удержаться. Хорошо, я не против – можете называть меня как вам угодно. Так о чем вы хотели со мной поговорить? Вряд ли речь шла только о моей фамилии, не так ли?

Прежде чем ответить, рассказчица некоторое время рассматривала молодого человека, словно оценивая его, а потом, порывшись в сумочке, которую держала в руках, вытащила оттуда пачку старых фотографий, перевязанных старой, выцветшей от времени лентой.

– В последний раз я показывала их кому-то больше полувека назад и потом долго еще сожалела о своем поступке. Если принять мои слова за чистую монету, они могут свести с ума. Однажды такое уже произошло, и я поклялась никогда больше не открывать этот ящик Пандоры. Но время всегда вносит свои коррективы в наши планы, я поняла это не так давно. Как бы мы ни старались контролировать жизнь, рано или поздно приходится признавать тот факт, что некоторые вещи происходят вопреки нашим желаниям.

– Например?

– Например, старость и неизбежность смерти. Я знаю, что вы сейчас скажете, будто я неплохо выгляжу для своих лет и, вероятно, протяну еще немного. Не стоит – я и сама это прекрасно знаю. Однако любой мастер, чувствуя приближение конца, начинает искать преемников. Так бывает всегда и со всеми. Сапожник старается передать свои навыки детям, мастерство ювелира также передается по наследству, как и знания ученых – следующим поколениям. И я не хочу, чтобы все, чем я безраздельно владела, ушло вместе со мной.

– И чем же вы владели? – Карл с любопытством поглядывал на фотографии, которые, судя по истрепавшимся краям, относились к тому же периоду, что и изображение Пикассо в обществе его теперешней собеседницы.

– В моем распоряжении были знания, к обладанию которыми издревле стремились лучшие умы всех времен и народов, – торжественно произнесла Мария Степановна, потянув за ленту, и в тот же момент бумажные хранители истории, будто почувствовав долгожданную свободу, рассыпались на ее коленях. – Помните, я только что говорила о том, что все это может свести с ума?

– Угу. – Приняв это заявление за очередную попытку придать своей биографии более солидный статус, Карл добродушно улыбнулся: он был не против подыграть пожилой женщине.

– Так вот. – Госпожа Мартынова, судя по всему, предпочла не обращать внимания на снисходительный тон собеседника. – На этот раз я подготовилась лучше. Вам ничего не грозит, поскольку вы всегда сможете списать нашу встречу на игру воображения, каким бы ни был ее итог.

– О чем вы? – Дубинин удивленно поднял брови, оторвав жадный взгляд от артефактов, которые все еще были ему недоступны. В следующий момент он икнул от неожиданности и протер глаза – рядом с ним на скамейке сидела та самая молодая женщина, которой он еще вчера любовался, рассматривая постановочный портрет в квартире Марии Степановны.

– Вы спите, Карл. – Красавица лучезарно улыбнулась обалдевшему журналисту. – Сон – лучшая ваша защита.

Когда Айлин, юный сын каменщика из Карлеона, впервые вошел в невидимую и, пожалуй, несуществующую дверь, то страшно испугался, посчитав, что своими действиями навлечет беду на родное селение. Но когда он вернулся, то увидел, что ничего не изменилось. Птицы продолжали щебетать, а кошки все с тем же охотничьим азартом пытались до них добраться. Мальчик побежал к отцу и рассказал об увиденном, за что был тут же нещадно бит. Скорый на расправу трудяга строго-настрого запретил ему даже заикаться о таких вещах, иначе, как он заявил, всю их семью в лучшем случае изгонят. В худшем... Впрочем, отец не уточнял, но Айлин быстро уяснил, что лучше держать язык за зубами и больше не провоцировать родителя. Однако удержаться от того, чтобы еще раз заглянуть в новый и неизведанный мир, он, конечно, не мог.

Пространство, которое его окружало, не было похоже ни на что из того, к чему привык мальчик. Здесь не было неба, не светило солнце – здесь вообще ничего не было, но все же пустоты он не ощущал. Как и усталости – Айлин мог часами гулять по черной мягкой поверхности и при этом оставаться бодрым и полным сил. Еще он заметил, что время в мире, который он мысленно обозначил как тайное убежище, течет совершенно иначе. Впервые проведя здесь целый день, он вернулся домой, ожидая взбучки от отца, но тот ничего не заметил. В этом не было ничего удивительного – сына не было всего несколько минут.

Оценив открывшиеся возможности, мальчик со временем соорудил в новом доме – а он воспринимал его именно так – что-то вроде временки, в которой можно было не только играть, но и, если захочется, даже жить. Наконец, когда ему удалось возвести четыре кривые стены, кое-как соединенные друг с другом, и водрузить на них крышу из досок, он оглядел результаты труда и остался доволен. Войдя внутрь, он подумал, что было бы неплохо со временем постро-

ить такой же просторный дом, какой был у отца – с каменными стенами и камином. Зажмурившись, он на мгновение почувствовал запах горящих дров и с удовольствием втянул ароматный воздух. Ему показалось, или на самом деле стало теплее? Открыв глаза, мальчик в первый момент жутко перепугался и с трудом сдержался, чтобы не закричать. Ветхие стены исчезли, их место заняла аккуратная кладка. Тут же стоял знакомый стол, за которым он столько раз сидел во время семейных застолий. Подойдя к нему, Айлин осторожно поковырял пальцем столешницу и, присмотревшись, заметил шестиугольный знак, который сам когда-то нацарапал ножом, – отец тогда жутко рассердился и отвесил проказнику такую затрещину, что тот пролетел через всю комнату и врезался бы в стену, если бы на его пути не оказалась бабка, которая смягчила падение.

Может быть, ему все привиделось, и он на самом деле у себя дома? Айлин осторожно выглянул в окно. Нет, снаружи была все та же пустота. Тогда – как?.. Осененный внезапной догадкой, он вышел за дверь и снова зажмурился, представляя дорогу. Открыв глаза, разочарованно нахмурился: то ли дом появился здесь случайно, то ли он что-то делал не так – во всяком случае, ничего не изменилось. Но мальчик, прикоснувшись к волшебству, не готов был так быстро отказаться от возможности построить собственный мир. Поэтому он пробовал снова и снова, пока ему в голову не пришла идея. Вернувшись к отцу, он поздоровался с ним и попросил несколько отбракованных камней, которые тот все равно собирался выкидывать.

– Зачем тебе? – поинтересовался каменщик, удивившись: сын никогда прежде не проявлял интереса к его ремеслу. Как он ни старался привить ему любовь к работе, мальчишка постоянно отлынивал от своих обязанностей и упорно не желал учиться.

– Я хочу построить кое-что, – уклончиво ответил Айлин.

– Конечно, забирай, сколько нужно. – От мысли о том, что сын, возможно, все же пойдет по его стопам, мужчина растрогался и нагрузил для него целую тележку камней. – Если не хватит, дам еще.

– Спасибо! – Мальчик обнял отца и, пыхтя от натуги, покатил свое сокровище куда-то.

Мужчина посмотрел ему вслед и поднял глаза к небу: наконец-то! Больше он никогда не видел сына. Несмотря на долгие поиски, следов Айлина так и не удалось обнаружить, и в конце концов все посчитали, что он, скорее всего, утонул. Но каменщик не был согласен с таким выводом и до конца своих дней верил в то, что его Айлин жив...

Он был прав. Мальчик жил, но теперь уже в собственном мире – он так и не повзрослел и не завел семью. В тот день, вывалив камни на землю, он принялся выкладывать из них некое подобие дорожки – она получилась кривой и короткой, но все же отдаленно напоминала каменную улицу, которую он видел однажды, когда вместе с отцом был в городе. Отступив на шаг, Айлин, сжав кулаки, снова закрыл глаза, представляя себе, как идет по широкой дороге, вокруг которой стоят большие красивые здания. Спустя несколько мгновений он уже, оглашая воздух победными криками, неся по широкой каменной мостовой, заглядывая в дома, стоявшие от нее по обе стороны. Наконец, насладившись своим творением сполна, он остановился и задумался над тем, что делать дальше. Возвращаться домой ему больше не хотелось – там его ждала тяжелая работа, вечно недовольный отец и мать, у которой, кроме него, было еще три дочери, занимавшие ее гораздо больше, чем сын. Но перспектива остаться в одиночестве в этом – пусть и прекрасном – месте пугала мальчика. Рассудив, что человек не так уж и сильно отличается от дороги или дома, он представил себе своего соседа, Гульвена, – мальчишку, с которым они часто играли вместе. Однако сколько ни пытался, у него ничего не вышло. Он было решил, что проблема в самом Гульвене, и попытался представить себе кого-то другого, но результат был тем же. Расстроившись, он взмолился: ну хоть кого-нибудь!

В тот же момент рядом с ним кто-то ахнул – подскочив на месте и резко обернувшись, Айлин увидел прекрасную женщину, каких никогда прежде не встречал. Ее волнистые волосы обрамляли привлекательное лицо, на котором выделялись умные добрые глаза. На ней были

странные одежды, которые сильно отличались от того, как одевались жительницы его родного селения.

– Куда я попала? – Голос звучал очаровательно, и Айлин почувствовал, как его ноги становятся мягкими. Стараясь не ударить в грязь лицом перед незнакомкой, мальчик приосанился и с важным видом объявил, что он – властитель этого мира и что это он призвал ее.

– Сомневаюсь, – улыбнулась гостя. Приблизившись к внезапно оробевшему подростку, она заглянула ему в глаза и, помолчав несколько мгновений, наконец проговорила: – Ты на самом деле особенный, потому что первый.

– Значит, ты останешься? – с надеждой в голосе спросил Айлин.

– У меня нет выбора, – откликнулась женщина, качая головой. – Думаю, назад мне уже не вернуться. Мне кажется, что ты и сам пока многого не знаешь о том мире, в котором оказался и который, как ты считаешь, создал.

– Разве это не так? – Лицо мальчика вытянулось от разочарования.

– Конечно нет. Но это не делает тебя менее значимым, ведь ты сумел открыть двери, а этого никто до тебя не делал. Вселенная любит преподносить сюрпризы.

– Я не понимаю, о чем вы говорите, – признался Айлин.

– Ничего страшного, со временем поймешь. – Женщина подошла к мальчику и, приобняв его за плечи, повела по дороге. – Меня зовут Гипатией. Я расскажу тебе о месте, которое ты нашел, и людях, которые его скоро заселят...

Пара молодых людей неспешно прогуливалась по каменному полотну Великой Китайской стены. Казалось, что эта дорога не имела ни начала, ни конца – ее предполагаемые границы терялись где-то далеко впереди, переваливаясь через линию горизонта. Было раннее утро, и немногочисленные прохожие, которых они встречали, с любопытством поглядывали на них, но никто не решался подойти и заговорить.

– Вы ведь много путешествовали, если мне не изменяет память. Кроме того, вы человек тонкого ума и обладаете богатым воображением. Скажите, как случилось, что вам так и не удалось найти выход? Я бы все поняла, если бы его не было вовсе, но ведь это не так.

– Посмотрите, Машенька, какая красота. – Николай Гумилев остановился и задумчиво посмотрел вдаль. – У меня такое ощущение, будто я сейчас нахожусь на каком-то шраме, оставшемся после хирургического разреза. По одну сторону находится то, что было, по другую – что будет. А под нами – то, что есть здесь и сейчас.

– Возможно, так и есть. – Девушка выжидающе на него посмотрела.

– Я нашел способ обмануть смерть, – наконец ответил мужчина, устало улыбнувшись. Китайская стена, которую они меряли шагами, имела такую мощную энергетику, что было сложно сосредоточиться на личном, и Николаю пришлось сделать над собой усилие, чтобы переключиться с философского созерцательного настроения на практичный. – Однако он был не таким, как многие предполагали. Я знаю, что Миша пытался меня вытащить, но ему не позволили. И дело не столько в политической ситуации, сколько в моей убежденности в том, что все идет по плану.

– По какому плану?

– Жизненному. Вы считаете, что я не смог найти выхода из клетки, хотя мы сейчас разговариваем друг с другом. Разве это не парадокс?

Прежде чем ответить, Мария Мартынова несколько секунд молчала. Она видела то, что Гумилев называл выходом, точнее, его результат. Тело поэта было свалено вместе с телами таких же несчастных, и весь его талант, этот божий дар, сконцентрировался в широко распахнутых глазах, в которых отражался Игнатий Спиридонов – в прошлом полковой писарь, а ныне оперуполномоченный Петроградской Губчека, – с сожалением глядящий на то, как поэт постепенно скрывается под слоем жирной земли. Когда могила была полностью засыпана, Игнатий

с раздражением вынул изо рта погасшую папиросу и, сердито вытерев глаза, пошел прочь. На следующий день он отчитается в том, что приговор, вынесенный Николаю Степановичу Гумилеву, признанному виновным в участии в Таганцевском заговоре, приведен в исполнение. Он намеренно укажет ошибочное место захоронения, чтобы в будущем его коллеги не имели возможности тревожить поэта. Всего через полгода оперуполномоченный Спиридонов будет убит в уличной перестрелке, и его тайна умрет вместе с ним. Прекрасный план, ничего не скажешь.

– Нет, это скорее провидение. – Прогнав неприятные воспоминания, девушка подняла взгляд на Николая. – Идеи Сведенборга несостоятельны, к сожалению. Умирая, вы не возвращаетесь в собственную жизнь, которую очистили от грязи и сделали ярче и приятнее. Это казуистика, хоть и красивая.

– Тогда почему мы с вами здесь?

– Только потому, что я так хочу.

– А если бы вы этого не хотели?

– Вас бы здесь не было.

– Но я был бы в другом месте?

– Без сомнения.

Мари, конечно, была не вполне откровенна, но как объяснить человеку то, что она и сама до конца не понимала? Все сложно и в то же время проще простого. Мимо них прошла пожилая китаянка с ребенком за спиной – малыш увлеченно жевал что-то и с любопытством разглядывал европейскую парочку, которая не вписывалась в его представление об окружающем мире. Девушка отвернулась, чтобы не видеть, как он пойдет в школу и, закончив несколько классов, отправится работать на фабрику, где будет выполнять одни и те же обязанности всю свою недолгую жизнь, пока пожар, произошедший по вине нерадивого хозяина, не оборвет ее. Пожилая женщина, которая к тому времени превратится в глубокую старуху, через двадцать лет опять пройдет этой же дорогой, и на ее спине будет опять сидеть ребенок – теперь уже сын того, кто сейчас оглядывается, пытаясь перехватить взгляд Мари.

– Вы чем-то расстроены? – Девушка заметила, что Николай наблюдает за ней, и улыбнулась – незачем было посвящать его в переживания, которые не имели к нему никакого отношения. Сочувствие крадет силы, которых у поэта и так осталось не много, поэтому она ответила просто:

– Да, но это личное.

– Я только что понял, что практически ничего не знаю о вас. – Воспитание не позволило молодому человеку продолжать расспросы, и он переключился на другую тему. – То ли вы ангел, то ли демон. Мне, конечно, хочется верить в первое, но и второй вариант интересен. Скажите, Машенька, чем я заслужил встречу с такой, как вы?

– А какая я? – Представив себя в роли посланницы небес, в белых одеяниях и с крыльями за спиной, Мари рассмеялась.

– По меньшей мере, не такая, как все, – серьезно заметил Гумилев. – Признаюсь, я смущен и до сих пор пребываю в некоторой прострации. Допуская, что вы мне снится, я должен допустить и тот факт, что вся эта история с арестом также не более чем дурной сон. Если же считать все происходящее со мной реальностью, то вся система мироздания, к которой я привык, рушится. Не могу сказать, что я расстроен, – у меня было много претензий к жизни. Однако все же хотелось бы определиться: кто вы и что вы? И в какой реальности я нахожусь сейчас? И в реальности ли?

– Вы ведь разговариваете со мной. Значит, как минимум существуете. Не это ли главное?

– Пьяница в кабаке тоже существует, но я бы не хотел оказаться на его месте, – возразил поэт.

– Хорошо, я объясню, насколько это возможно, – кивнула девушка, подумав несколько секунд. – Существуют различные гипотезы о многомерности нашего мира. Конечно, большая

их часть не выдерживает никакой критики, но некоторые идеи содержат крупинцы истины, соединив которые можно получить более или менее верное представление о вселенной. Смысл не только в том, что ничего не исчезает бесследно. Это и так понятно. Но дело в том, что размер – это величина, придуманная человеком для простоты восприятия действительности. Так же, как насыщенность, твердость и так далее. В действительности же невидимое может стать видимым – и наоборот. Природа оставила нам повсюду намеки и подсказки, но мы не желаем замечать их, воспринимая как данность. На самом деле научный прогресс сыграл с нами злую шутку – теперь мы можем объяснить все с помощью формул и теорем, истинность которых никто из обывателей не оспаривает.

– Вы противница научного подхода? – удивился поэт.

– Не совсем. Я противница навязывания мнения, будто наука есть последняя инстанция. Впрочем, это совершенно не важно, я отвлеклась. Вам повезло – вы не только не утратили связи с духовным миром, который существует рядом с нами, но и сами стали частью этого мира. Ведь стены, которые мы возводим, на самом деле являются дверьми, как бы это странно ни звучало. И самая главная стена, по которой мы сейчас с вами гуляем, и есть основное сосредоточение той энергии, о которой мы с вами говорим. Хотя я, наверное, выразилась не совсем верно, прошу прощения. Не энергия – скорее центр. Это как если бы вы вдруг запланировали в доме ремонт, разобрали перегородку между комнатами – и обнаружили бы в ней колонию муравьев. То есть целая цивилизация, о которой вы и представления не имели.

– Но муравьев сложно не заметить. – Николай улыбнулся, вспомнив, как они с женой пытались вывести этих вездесущих насекомых из загородного дома. Им тогда, кстати, так и не удалось этого сделать – муравьи появлялись в самых неожиданных местах, но при этом вели себя пристойно, и в конце концов Анна сдалась.

– Это просто пример, – пожал плечами Мари и продолжила: – Итак, вы живете рядом с этими муравьями многие годы. Вы занимаетесь своими делами, они – своими. И вам все равно, что происходит в этой параллельной реальности, пока вы не догадываетесь о ее существовании. Но если бы вы с самого начала знали о ней? Неужели ваша жизнь осталась бы прежней? А теперь представьте себе, что это не муравьи, а гораздо более развитые существа, многие из которых ничем не отличаются от нас с вами. Вы можете не верить в них – от этого ничего не изменится. Ведь если вы вдруг перестанете верить в горы, они останутся на своем месте, верно? Даже, может быть, увеличатся в размерах, потому что, отрицая их существование, вы перестанете их взрывать и использовать как строительный материал.

– Я не совсем понимаю, к чему вы ведете. – Гумилев развел руками и с виноватым видом остановился, чтобы собраться с мыслями. Все, о чем рассуждала его спутница, казалось ему красивой абракадаброй, не имеющей никакого отношения к действительности. – Дайте мне хоть одну соломинку, за которую можно зацепиться, а то, боюсь, я совсем запутаюсь.

– Терпение, мой друг. Я как раз подошла к самой сути, еще минута, и вы обо всем узнаете. Впрочем, я могу показать вам все прямо сейчас. Только не пугайтесь – это весьма неожиданно с точки зрения человеческого восприятия. Просто знайте: место, которое вы сейчас увидите, станет для вас домом, каким в свое время оно стало для меня. Это не иллюзия, не галлюцинация – напротив, этот мир более реален, чем тот, в котором вы жили прежде.

В следующее мгновение пожилая пара состоятельных китайцев, степенно прогулившаяся по национальной достопримечательности, с открытыми ртами наблюдала за тем, как молодые люди, взявшись за руки и глядя себе под ноги, прошли вниз прямо сквозь каменную кладку, словно спускались по невидимой лестнице. Переглянувшись, китайцы поспешили к тому месту, где только что находились таинственные европейцы, и с удивлением уставились на часть дороги, ничем не выделяющуюся на фоне остальных. Для пушей уверенности женщина, забыв о своем статусе, даже несколько раз подпрыгнула, чтобы удостовериться в отсутствии скрытого прохода. Наконец, убедившись в цельности полотна, она вопросительно взглянула на

супруга, но тот, похоже, был настроен на философский лад и лишь пожал плечами. Еще раз осмотревшись, женщина с сомнением покачала головой, взяла мужа под руку, и они продолжили прогулку, словно ничего не произошло...

Тем временем Николай с Мари действительно спускались по лестнице – поэт, в первое мгновение растерявшийся, теперь с любопытством смотрел по сторонам.

– Это что, город в городе? Такое возможно?

– Не совсем, – уточнила девушка, стараясь ступать осторожно – ступени были слишком узкими даже для ее изящных ножек. – Это непрекращающийся город, который не имеет ни начала, ни конца и постоянно расширяется. Он находится внутри каждой перегородки, которую мы воздвигаем на протяжении всей жизни. И ему не важно, разрушаем ли мы ее после, – однажды появившись, она остается навечно. Для вас толщина стен вашего дома измеряется в английских дюймах, однако, как видите, такой подход ошибочен. Если же вы полагаете, будто то, что вы наблюдаете сейчас, возможно лишь здесь, то мы можем выйти и снова зайти, но уже через любую другую стену. Поверьте, нет никакой разницы в том, каким проходом мы воспользуемся, будь то Казанский собор в Петрограде или фанерная перегородка в кукольном домике – в любом случае вы попадете сюда...

Когда спустя два часа пожилая пара возвращалась тем же путем с прогулки, китайка округлила глаза и толкнула супруга локтем под ребра: недалеко от них, как ни в чем не бывало, оживленно болтали друг с другом те самые молодые люди, которые совсем недавно были замечены за нарушением основных законов физики. Но мужчина пробормотал ей что-то сквозь зубы, и они, не останавливаясь, степенно и важно прошествовали мимо.

– Но зачем вам я, если вы располагаете таким источником информации? Это ведь настоящее сплетение миров! – Николай задыхался от переполняющих его чувств и ничуть не думал о том, что его могут услышать. Впрочем, и Мари это мало беспокоило – здесь вряд ли можно было встретить тех, кого стоило опасаться.

– То, что происходит внутри, не может повлиять на этот мир. Попав туда, вы не только теряете связь с прежней жизнью, но со временем начинаете мыслить иначе. Рождение, взросление, смерть – все начинает казаться сном. Ваши воспоминания еще свежи, а мне именно это и необходимо.

– В таком случае я к вашим услугам.

Карл монотонно кивал, слушая разглагольствования Ирины по поводу того, какой должна быть реакция пишущей братии на избиение коллеги, и периодически поглядывал на часы. Каждый раз, когда секундная стрелка завершала очередной круг, он вздрагивал, словно от несильного удара током. Приближалось время его встречи с Марией Степановной, на которую он решил не идти. И черт с ним, с редактором, – старуха просто пугала его. Думая о ней, он весь покрывался испариной, в животе ухало, будто он шел на первое в жизни свидание с девчонкой, которая ему нравилась еще с детского сада.

– Торопись куда-то? – поинтересовалась более успешная коллега.

Карл никак не мог определить причину, по которой та вдруг стала набиваться ему в приятели, – прежде они не только не дружили, но и не разговаривали толком. Впрочем, в этом был виноват сам Дубинин, которого редко можно было видеть и на корпоративных вечеринках, и на обычных попойках. Представив, что все это время девушка тайком сохла по нему, молодой человек с трудом сдержался, чтобы не рассмеяться, – такой вариант представлялся ему совершенно нереальным.

– Что? Да, то есть нет, не совсем. – Карлу было неудобно признаться, что он испугался встречи с пожилой женщиной. Чушь какая-то. Журналист наклонился к коллеге и вполголоса объяснил: – Думаю, я не сдам в этот номер материал.

– Чего так? – Видно было, что Ирина задала этот вопрос исключительно из вежливости, но Карл все равно был благодарен ей за это. Возможно, подумал он, решение удастся найти, озвучив проблему, вместо того чтобы муссировать ее в голове, в которой и так уже была каша из обрывков образов и ощущений.

– Напомни, пожалуйста, твою фамилию, – неожиданно поинтересовался Карл, чтобы собраться с мыслями и адекватно обрисовать ситуацию – главным образом, для самого себя.

– А? – Девушка поперхнулась мутной бурдой, которую в их офисе было принято называть кофе. – Ты что, собственную газету не читаешь? Верди. Ирэн Верди.

– Нет, не псевдоним. Настоящая фамилия.

– Кузнецова. Ирина Кузнецова. Мне повезло не так, как тебе, – вот и приходится заниматься украшательством себя, любимой.

– О чем ты? – Карлу прежде не приходилось слышать такое о своей фамилии, и он был совершенно искренне и приятно удивлен.

– Ну как же. Карл Дубинин – звучит потрясающе. Я бы, даже если постаралась, ни за что такое сочетание не придумала бы. Твои родители – креативные ребята, ничего не скажешь.

– Да, наверное. – Он прищурился и с подозрением посмотрел на собеседницу, чтобы удостовериться в том, что не издевается, но она была совершенно серьезна. – В общем, спасибо. От тебя мне это особенно лестно слышать.

– Не за что. Так что там с материалом?

Прежде чем ответить, Карл дал себе несколько секунд на принятие решения, затем вздохнул и, порывшись в сумке, вытащил блокнот. Внутри оказалась фотография, которую он и протянул коллеге:

– Вот эта девушка слева – та самая Мартынова, с которой я встречался.

– Хорошенькая, – одобрила Ирина, поцокав языком. – А эти двое кто?

– Не узнаешь? – Дубинин, увлекшийся историей, всегда искренне удивлялся, когда остальные не разделяли этой его страсти, поэтому и сейчас подумал было, что его коллега валяет дурака, но та, еще раз приглядевшись, совершенно серьезно покачала головой:

– Нет, никаких вариантов.

– Это Пикассо с Хохловой. Старуха была с ними знакома, представляешь?

– Ну, была и была, что такого? Молодец, значит. Так в чем проблема-то? Это вроде бы хорошо, разве нет?

– Как раз с этим проблем нет. Но она говорит очень странные вещи – и обо мне в том числе. У нее вообще в квартире много старинных вещей. Такое ощущение, что я в музей попал. Обычная такая халупа, но чувствуется, что там не все чисто. А еще... – Карл замялся на мгновение, не зная, стоит ли продолжать, но, подумав, решил: – А еще она мне снится.

– Ха! Да ты ходок! – захохотала девушка так громко, что на нее зашикали со всех сторон. – А что, ничего такого я в этом не вижу. Судя по фотографии, она очень даже ничего.

– Ты издеваешься? Этому фото сто лет в обед.

– Так уж и сто? – засомневалась Ирина, оценивающе присматриваясь к черно-белому изображению.

– Это двадцать шестой.

– О! – Она округлила глаза и, впечатленная почтенным возрастом реликвии, осторожно вернула ее Карлу. – Ну, приснилась она тебе – и что?

– Ты сейчас просто послушай, хорошо? – Дубинин, не дожидаясь ответа, начал загибать пальцы, глядя прямо перед собой. – Во-первых, старуха явно не в себе – она говорит о том, что было почти век назад, так, словно это происходило вчера. Это ненормально. Во-вторых, у нее в квартире оригиналы мировых шедевров, продав которые она могла бы жить во дворце, но она этого не делает. Это тоже говорит о том, что у нее не все в порядке с головой. В-третьих...

– Подожди, подожди. – Роль безмолвного слушателя явно не пришлась девушке по вкусу, и она поспешила озвучить свои соображения. – Ты сейчас глупости говоришь. Пожилые люди часто впадают в детство. Моя покойная бабушка, бывало, пересказывала слово в слово их разговор с дедом, когда они впервые встретились, но при этом не могла вспомнить, что ела на обед. Это естественный ход вещей, друг. Ну, а по поводу «продает – не продает», это ты вообще загнул. Во-первых, это не твое дело, уж извини меня за резкость. А во-вторых... У моего знакомого, например, дома хранится орден Святого Георгия, который был пожалован его прапра... не помню, сколько прадеду. Если бы он захотел его загнать, оторвали бы с руками. Знаешь, он стоит хороших денег. Но ни мой приятель, ни его родители, ни дед с бабкой никогда даже не задумывались о том, чтобы его продать. Даже во время голода тридцатых не было таких мыслей. А ты говоришь: могла бы жить во дворце. Не все оценивается в валюте.

Не ожидавший такой проповеди от коллеги, которую он до этого считал легкомысленной, Карл в первый момент смутился. Пробормотав какое-то невнятное оправдание, он тем не менее продолжил:

– Хорошо, пусть так. Но это еще не все. Мария Степановна сказала, что у нее есть информация, которая может касаться меня лично, а потом заявила, будто я не готов к беседе – предложила подумать, отдохнуть. А потом я вообще не помню, как на улице очутился. То ли она обладает какими-то скрытыми способностями...

– То ли ты опять до утра сидел за компьютером, – закончила за него Ирина.

– Я постоянно так делаю! – возразил Дубинин. – Это мой нормальный режим.

– Это не режим, а дурная привычка, от которой нужно срочно избавляться. Тебе сколько лет?

– Да вроде вчера еще было тридцать.

– Не много, конечно, но и не мало. Ты уже не восемнадцатилетний мальчик, который может сутками не спать, и ничего ему не будет. Если ты изо дня в день будешь, проходя мимо памятника Петру Первому, щелкать его по носу – ну, если дотянешься, конечно, – то рано или поздно он отвалится. Я это говорю к тому, что наши возможности не безграничны, и нужно отдавать себе в этом отчет. Ты никогда не бываешь на наших вечеринках – иначе ты бы заметил, что я уже давно не пью ничего, кроме вина или шипучки, да и то совсем чуть-чуть. По утрам начала бегать, отказалась от жирной пищи. А ведь мы с тобой ровесники.

– Ты так и будешь на каждый мой довод выдавать по возражению? – улыбнулся Карл, которому понравились рассуждения коллеги. Слушая ее, он успокоился, – старуха уже не пугала его. Кто знает, подумал он, возможно, действительно все объясняется его усталостью.

– А почему бы и нет? – Ирина пожалала плечами и, закинув ногу на ногу, жестом показала, что готова слушать дальше.

– Я уже и не знаю, стоит ли продолжать. В общем, этой ночью мне приснился сон. Понимаешь, я вообще никогда не запоминаю сновидений, а тут картинка была такой живой и реальной, что я до сих пор не верю в то, что этого не было на самом деле.

– И что такого было в твоём сне?

– Ничего особенного. Я иду по парку, встречаю эту Мартынову...

– Откуда вы берете все эти фамилии?! – возмутилась девушка. – Прямо как на подбор. Извини, продолжай.

– Встречаю ее, мы разговариваем. Она рассказывает, что Дубинин – не настоящая моя фамилия и что меня должны звать иначе.

– Час от часу не легче, – проворчала Ирина.

– Да, она сказала, что моя настоящая родовая фамилия – де Бо и что мой предок был выходцем из Франции. – Карл поспешил продолжить, увидев, как еще больше помрачнела его собеседница, услышав очередной потенциальный псевдоним. – А потом, когда я на нее посмотрел, она превратилась в ту самую молодую женщину, какой ты только что видела ее на

фотографии. Еще она говорила о какой-то информации, которая может свести меня с ума. Но она, мол, подстраховалась – и сможет мне раскрыть что-то очень важное во сне. Вроде как это совершенно безопасно. А потом я проснулся совершенно разбитый и до сих пор не могу в себя прийти. У нас на сегодня была назначена встреча, но я почему-то не могу заставить себя пойти на нее. Это странно, но у меня и сейчас звучит в голове ее голос.

– И что он говорит, этот голос? – Ирина совершенно не скрывала, что рассказ ее заинтересовал. Она даже в чем-то завидовала рассказчику – сама девушка давно не испытывала ничего подобного. Даже если это чистейшей воды вымысел или игра воображения, она многое бы отдала, чтобы хоть на короткое время погрузиться в эту пусть временами пугающую, но сказку.

– Он говорит, что мне нужно заснуть, – мрачно подытожил Карл. – И что только тогда я все узнаю.

– И в чем проблема? – подняла брови журналистка. – Иди домой и ложись спать.

– О чем ты говоришь? А работа? И вообще – если тебя послушать, то создается впечатление, будто ты веришь во всю эту глупость.

– Дело не в том, верю ли я в нее или нет. – Ирина подумала о том, как бы поступила она сама, если бы находилась на месте Карла. Наверное, на самом деле отправилась бы домой и завалилась спать. – Главное – насколько тебя это беспокоит. Помнишь эту хохму про основное отличие мужской логики от женской?

– Не помню, – мрачно отозвался Карл.

– У мужчины спрашивают: какова вероятность того, что, выйдя из дома, ты встретишь живого динозавра? Он начинает что-то там высчитывать в уме и наконец говорит: один к миллиону. Тот же вопрос задают женщине, которая заявляет: пятьдесят на пятьдесят. Ее спрашивают: как это? Ну, а она закатывает глаза: мол, или встречу, или не встречу. Так вот, в твоём случае женский подход – идеальный вариант. Если старуха – или твое подсознание, что в принципе не имеет значения, – на самом деле имеет, что сказать тебе, то ты что-нибудь да узнаешь. Если же ты все это придумал, то хоть выспишься.

Дубинин рассмеялся шутке и, подумав, решил, что в этом предложении есть смысл.

– Но как же работа? Главред ждет от меня материал к вечеру.

– Ты же сам сказал, что материала не будет, – напомнила Ирина. – От того, что ты сидишь здесь и занимаешься самоедством, он не появится. У тебя ведь отложено что-нибудь из того, что когда-то не пошло в печать? Смело отправляй – благо твои материалы не устаревают, в отличие от моих горячих пирожков. Если будет возмущаться, скажи, что старушечьи мемуары в процессе, что будет бомба и так далее. Заинтригуй его, он такое любит.

– А если потом эта бомба так и не появится? – с сомнением в голосе возразил Карл, который не любил подобных авантюр.

– Скажешь, что фитиль отсырел. Да не переживай – в крайнем случае напишешь о прапра моего знакомого, он был крутым дядькой. Орден сфотографируешь, у него разные документы с тех времен сохранились, любовная переписка, всякие «авекплезиры» и прочее. В общем, как-нибудь выкрутимся.

Дубинин подумал, взвешивая все за и против, и согласился. Действительно, какой смысл сидеть в офисе и сомневаться в собственной адекватности, если есть простой способ расставить все по своим местам? Сердечно поблагодарив Ирину, которая только отмахнулась в ответ, театральным жестом указав ему на дверь, он вышел из здания и поймал такси. К счастью, родителей, которым пришлось бы объяснять столь неожиданный визит, дома не оказалось – и Карл, не раздеваясь, упал на кровать. Сначала он решил, что процесс засыпания займет у него пару часов, и даже подумывал о том, чтобы принять снотворное. Однако этого не понадобилось – стоило ему представить себе лицо Марии Степановны, как он тут же провалился в сон. Это произошло так неожиданно, что он не сразу понял, что спит. И только увидев перед собой

знакомый офорт, мысленно присвистнул от удивления и, стараясь двигаться осторожно, прошел в столовую, из которой раздавалось позвякивание, как если бы кто-то размешивал сахар в чашке чая.

За столом сидела госпожа Мартынова, скинувшая как минимум лет восемьдесят, и с любопытством рассматривала растрепанного гостя, который не знал, как себя вести с ней – то ли как с реальным человеком, то ли как с плодом его воображения. Наконец, устав от затянувшегося молчания, девушка пригласила молодого человека присесть и улыбнулась:

– Вы все же решились. Я рада, это очень смелый шаг, какими бы ни были его причины. Что ж, приступим, месье де Бо.

Вглядевшись в молодое лицо, Карл ответил на вопрос, который в прошлый раз задал себе: изумрудные. Глаза Мари были потрясающего темно-зеленого цвета.

– Господа, господа, успокойтесь! Ваша якобы непримиримая вражда и шум, который она производит, честно говоря, уже начинают меня раздражать. – Высокий элегантный брюнет, небрежно державший в руках тонкую сигару с мундштуком, брезгливо поморщился, глядя на то, как двое мужчин размахивают руками друг перед другом. Причем если один из них, громогласный детина с резкими чертами лица, отличался гигантским ростом, отчего ему приходилось смотреть на своего визави сверху вниз, то второй роста был совершенно обычного. Светлые волнистые волосы и голубые глаза вкупе с нежным, почти девичьим овалом лица никак не сочетались с той яростью, с которой он накидывался на соперника, ежесекундно выкрикивая ругательства. Впрочем, они, казалось, ничуть не смущали его оппонента – пользуясь превосходством в росте, он периодически смотрел поверх яростно жестикулирующего молодого человека куда-то вдаль, словно того и не было вовсе, чем приводил его в еще большее бешенство. Наконец, устав от активных действий, блондин повернулся к мужчине и запоздало ответил на его замечание, при этом его тон вдруг кардинально изменился, став едва ли не елейным:

– Вы, Оскар, конечно, гениальный поэт, но вам никогда не понять русской души. Нам или все, или ничего.

– Так что же ты тогда кипятишься, Сереженька? – добродушно прогудел его оппонент. – Я тебе и предлагаю – ничего. Бери. А мне все оставь.

– Ах, ты... – начал было тот, но потом передумал и продолжил: – Я когда еще маленьким был совсем, зачитывался вашими произведениями, но сейчас понимаю, что тот же Дориан, живи он в России-матушке, никогда не кончил бы так, как в вашем произведении. Скорее всего, он и по сей день кутил бы где-нибудь у Давыдова да девок зажимал по углам.

– А душа? – выпустив облако дыма, поинтересовался Оскар.

– А что душа? Для ваших героев копание в себе – это путь к саморазрушению, а у нас все наоборот. В России это образ жизни. Мы к этому стремимся, для нас день, прожитый без душевных метаний, – пустой день, прошедший зря. Вот спросите у господина Маяковского, каким образом он сюда попал. Да, конечно, модно и красиво предполагать, будто он пустил себе пулю в сердце из-за несчастной любви. Мол, запутался – и таким романтическим образом разрубил гордиев узел. А по мне, так человеку просто не хватало сильных ощущений, вот он и решил в русскую рулетку сыграть. Вы ведь и раньше баловались этим, Володя, не так ли?

Гигант проворчал что-то в ответ и отвернулся.

– Вот видите, – улыбнулся молодой человек. – Стыдно признаться, что стрелялся по глупости. Всем ведь хочется считать себя Пушкинными да Лермонтовыми, но, пардон, далеко не каждому это дано.

– А вы, господин Есенин, как сюда попали? – поинтересовался внимательно слушавший его рассказ мужчина. – Ведь, если мне не изменяет память, у вас тоже не все однозначно.

– Эх, я бы и сам хотел это знать. – На красивое лицо набежали тучи, глаза погрузнели. – Но вот хоть убейте – ничего не помню.

– Пить надо было меньше, – мстительно процедил сквозь зубы Маяковский, все еще стоя спиной к своему извечному сопернику.

– Так я трезвый был! – Казалось, что это ехидное замечание ничуть не задело Есенина, и он лишь сокрушенно покачал головой. – Если б было так, хоть не было бы обидно. Мне уже рассказывали всевозможные версии моей смерти, но я не знаю, чему верить. Вот я в гостиничном номере, а потом бах – и я уже здесь. Может быть, у меня случился инфаркт? Или инсульт?

– А на трубу вас потом уже подвесили? – спросил неугомонный Маяковский.

– Кто знает, Володя, кто знает, – пробормотал поэт. – Мне иногда кажется, что мы сюда попадаем не после нашей смерти, а непосредственно перед ней. Будто кто-то подменяет наши тела там, на земле, манекенами. Какое-то божественное провидение.

– Ну, уж кому-кому, а вам должно быть известно о том, что Бог здесь совершенно ни при чем. – Маяковский наконец повернулся к приятелю лицом. – К чему вы его приплетаете каждый раз?

– Привычка, – примирительно развел руками Есенин. – Впрочем, ты прав.

Оскар Уайльд с улыбкой наблюдал за тем, как поэты, которые только что готовы были накинуться друг на друга, теперь оживленно обсуждали какую-то окололитературную небылицу, хохоча во все горло. Несмотря на то что ему с ними на самом деле не о чем было говорить – все-таки разница в мировоззрении ощущалась, – он получал определенное удовольствие от общения с этой парочкой. Интересно, как бы они повели себя, если бы получили шанс выбраться отсюда наружу? Неужели принялись бы за старое и повторили бы свои ошибки? Задумавшись о прежней жизни, Уайльд помрачнел – и он не избежал фатальных ошибок, главной из которых, конечно, была его любовь к Бози. Нет, нет, в ней не было ничего предосудительного, но некоторые люди, от которых зависела его судьба, посчитали иначе. Да, как он однажды уже говорил в зале суда, мир этого не понимает и ставит человека, обвиненного в любви, к позорному столбу.

– О чем вы задумались, милейший сэръ? – поинтересовался Есенин, достаточно фамильярно и весьма ощутимо хлопнув его по плечу.

Не ожидавший этого Оскар покачнулся и упал бы, если бы великан не подхватил его.

– Ну, это уже слишком! – вскипел Уайльд, наступая на белокурого молодого человека, который, правда, ничуть не испугался.

Как ни в чем не бывало, он еще раз ткнул англичанина кулаком в плечо и заявил:

– Да ладно тебе, Ося! Свои же все здесь. Пойдем-ка лучше выпьем чего-нибудь прозрачного. Как тебе такое предложение?

Уайльд хотел было резко ответить этому голубоглазому наглецу, но вдруг понял, что совершенно не сердится на него – напротив, идея о походе в кабак показалась ему достаточно заманчивой. Настолько, что он, несмотря на то что всегда с осуждением относился к плебейской обстановке подобных заведений, тут же согласился составить ему компанию.

– Вот это другое дело! Наш человек! – Маяковский с Есениным радостно обняли слегка ошалевшего от такого напора поэта и, уже не выпуская его из рук, как цыгане, поймавшие в свои сети богатого простака, отправились реализовывать задуманное.

Когда троица скрылась из вида, из-за колонны, стоящей немного поодаль, вышел человек весьма примечательной наружности: его орлиный нос казался еще больше на исхудавшем аскетическом лице, а острые беспокойные глаза говорили то ли о внутреннем дискомфорте, то ли о пережитой личной трагедии. На вид ему было едва ли больше сорока лет, однако он горбился и носил платье наподобие власяницы, отчего выглядел намного старше своего возраста. Проводив поэтов долгим недобрим взглядом, будто они помешали ему заниматься каким-то важным делом, он развернулся и побрел в противоположную сторону, периодически останавливаясь и тревожно оглядываясь по сторонам.

Если бы кто-нибудь проследил за ним, то увидел бы, как этот странный человек, ежесекундно ныряя в тень, подошел к неприметной двери, которая практически сливалась со стеной, и, еще раз проверив, что рядом никого нет, торопливо вошел в здание. Внутри помещения, в котором он оказался, также не было ничего примечательного, если не считать огромного, во всю стену, портрета совсем юной девушки с большими грустными глазами. Подойдя к картине, мужчина благоговейно поцеловал золоченую раму и, отступив на два шага, обратился к ней:

– Ты видишь, ненаглядная моя Беатриче, я не оставляю надежды найти способ, чтобы и ты обрела вечную жизнь рядом со мной. И я не успокоюсь, пока мы не воссоединимся. Несправедливость! С ней нужно бороться, ее необходимо уничтожить. Тот, кто затеял все это, – человек обвел безумным взглядом комнату, – ошибся, не приняв тебя, мой ангел. Но он не учел того, что для настоящей любви не существует преград. Я обязательно отыщу ту самую единственную стену, за которой они прячут тебя от меня, не будь я Дуранте дельи Алигьери!

Отчитавшись таким образом, мужчина вышел, почтительно пятясь спиной, – последнее, что он увидел, прежде чем дверь закрылась, были наполненные печалью и болью глаза любимой, которая словно просила его: оставь свои попытки, перестань мучить себя и меня. Прислонившись лбом к холодной каменной кладке, Данте постоял так с минуту, чтобы успокоить своих внутренних демонов, и отправился на поиски стены, которая, как он верил, существовала где-то...

– Только посмотрите на этот экземпляр, Чарльз, – двое мужчин, одетых в костюмы второй половины девятнадцатого века, смотрели вслед безумному влюбленному. – Разве это не доказательство полной несостоятельности вашей теории? По-моему, в нем нет ничего животного – напротив, его сводит с ума любовь, а это чувство свойственно только возвышенным натурам. Вы так не считаете?

– Совершенно не согласен с вами, мой друг, – отозвался тот, к кому был обращен вопрос. – Любовь для него – это вожденная, но несбыточная мечта. Пока она маячит перед ним, бедняга Алигьери будет бежать вперед, как тот осел за морковкой. Уберите цель – и он потеряет смысл жизни. Нет, что бы вы ни говорили, Карл, а люди все-таки живут по принципам животного сообщества. Да что я вам объясняю – вы лучше меня доказали это в своих трудах.

– Я? Разве? – удивился мужчина с густой окладистой бородой.

– Конечно! Разве вы в своем деятельном подходе не заявили целостность общества как единственный оптимальный способ существования человечества? А что может быть более целостным, нежели стадо?

– Интересная интерпретация, – рассмеялся бородач, которого развеселила точка зрения собеседника. – Я имел в виду другое, конечно, но и ваше видение имеет право на существование.

Так, непринужденно беседуя, мужчины продолжили прогулку, оставив в покое несчастного Алигьери с его, как выразился Чарльз Дарвин, морковкой...

Он убегал так долго, что теперь уже не помнил, что значит оставаться на одном месте дольше, чем одну ночь. За время затянувшегося путешествия странник узнал больше, чем за всю предыдущую жизнь, и если раньше он считал себя ученым человеком, то теперь понимал, что был самонадеянным болваном, только приоткрывшим дверь сокровищницы знаний и сквозь щелку наблюдавшим за тем, чего до конца не понимал. Приди он к этому выводу чуть раньше – и тогда ему не пришлось бы бросать в спешке лабораторию, обрекая ее на разграбление церковниками. Но враг был слишком могущественным для того, чтобы не считаться с ним. В стремлении познать сущее человек навлек на себя гнев сил, о существовании которых прежде даже не задумывался. Что ж, он получил то, чего заслуживал, но это не значит, что нужно сдаваться. Жизнь продолжается.

Место, куда он прибыл, выгодно отличалось от городов и крупных деревень, в которых ему приходилось бывать раньше. Оно находилось в такой глубинке, что путник бесчисленное количество раз рисковал замерзнуть, провалившись в полыню, – неудивительно, что проводники отказались идти с ним, теперь мужчина их прекрасно понимал.

Осмотревшись, он с удовлетворением отметил, что поселение было вполне пригодным для жизни: насчитав как минимум с десяток домов, путник безошибочно определил кабак, больше похожий на корчму, – снег вокруг деревянного здания был плотно утоптан, сквозь закрытые ставни пробивался свет, а изнутри слышался громкий смех. Вытащив из кармана небольшой предмет овальной формы, мужчина внимательно посмотрел на него, затем перевернул и поднес к глазам: то, что увидел, вероятно, полностью его устроило, потому что он удовлетворенно хмыкнул и вернул предмет на место. Оглядев себя с ног до головы, он остался доволен своим внешним видом, отряхнулся и, открыв дверь, шагнул внутрь. В тот же момент разговоры стихли – присутствующие внимательно рассматривали незнакомца, который, поприветствовав всех, прошел в самый дальний и темный угол комнаты и уселся за отдельно стоявший стол.

По всей видимости, гости забредали сюда достаточно редко, потому что в ближайший час основной темой для приглушенных разговоров был новоприбывший – народ перешептывался, многозначительно кивая в его сторону и строя различные предположения о том, кто он такой и зачем пожаловал. Наконец от общего стола отделился молодой человек и подошел к незнакомцу. Не дожидаясь приглашения, он уселся напротив и молча уставился на него.

– Что? – наконец не выдержал тот.

– Вот и я о том же, – затараторил парень. – Что? Ты, мил человек, не подумай, мы не дикари какие, но и нас понять можно. Поздний вечер, зимушка-зима за нос щиплет, волки воют вокруг – и тут ты такой красивый появляешься. Один, без сопровождения, без оружия. И вроде бы не охотник, судя по одежде. Ты ведь безоружный? А то у нас не любят тех, кто разбоем промышляет. На днях вот парочка в наших краях обнаружилась – по лесам принялась на путников нападать да всякие пакости учинять. Народ здесь мирный, но только до поры до времени. В общем, эти двое случайно в проруби оказались – можешь посмотреть. Там, за лесочком, речка есть у нас. Вот я и говорю, что мы рады тебя видеть, но ты бы рассказал о себе. Кто ты, зачем да почему. Новостями-то наша жизнь небогата – сам, небось, понял это, пока добирался до нас. Меня Ерохой зовут.

Внимательно слушая многословного молодого человека, гость периодически кивал, давая понять, что следит за его рассказом, и, когда тот кончил, поднялся, обращаясь ко всем собравшимся:

– Всем доброго здоровья! Я странник, прибыл издалека – путь мой был долгим и трудным, но, надеюсь, он подошел к концу. Мне полюбились ваши места, и я хотел бы остаться здесь надолго. Зовут меня Бертран де Бо, я один – ни жены, ни детей. Если найдется свободный дом, я с радостью его куплю – денег у меня не много, но на первое время хватит. Если дома нет, то я с божьей помощью его построю своими руками. Работы я не боюсь.

С удовольствием услышав, как мужики одобрительно зашумели, он продолжил:

– Я ничем не торгую и мало чего могу предложить вам, кроме своих знаний, – прежде мне приходилось заниматься врачеванием. Вроде бы все.

Когда он опустил на место, из другого конца комнаты раздался надтреснутый голос, который принадлежал такому древнему старцу, что было удивительно, как он еще не рассыпался.

– А что за имя такое? Как ты сказал – Батран? Или Баран? Знавал я одного Барана – из соседнего поселения мельник. Ты не родственник ему?

– Бертран – мое имя. Нет, я здесь никого не знаю – моя земля, Прованс, находится очень далеко.

– Прованс – это, если мне не изменяет память, во Франции? – Старик подался вперед и впился глазами в собеседника. – Говорят, там тоже можно жить. Не так привольно, как здесь, конечно, но можно. Что заставило тебя покинуть дом и отправиться в такое трудное и опасное путешествие? Уж точно не наша теплая зима.

Мужики, которым, видимо, понравилась шутка, так громко загоготали, что свет, который исходил от нескольких горящих свечей, задрожал, и по стенам заплясали причудливые тени.

– Мой дом перестал быть тем местом, в котором я бы хотел встретить старость, – осторожно ответил Бертран, не ожидавший такой осведомленности от старика.

– Отчего же?

– Люди там убивают друг друга за различия во взглядах. Церковники бьются за власть, а народ при этом страдает. Тому, кто стремится к спокойной жизни, там не место – вот я и решил отправиться искать новый дом. Надеюсь, что нашел.

Выслушав его, старик жестом подозвал к себе молодого Ероху, который торопливо подбежал к нему и помог подняться. С трудом переставляя ноги, старик добрался до стола, за которым сидел Бертран, и опустился на деревянный табурет. Станный жест, подумал француз, к чему было напрягаться? Ведь размеры комнаты позволяли общаться, даже не повышая голоса. Впрочем, когда старик оказался рядом, мужчина понял, зачем ему понадобилось приближаться, – под взглядом глубоких, черных, как смола, глаз он почувствовал себя кроликом. Вот тебе и дед, ахнул Бертран. С таким шутки плохи – дурака не поваляешь, мигом раскусит. Впрочем, возможно, это даже к лучшему. Политес здесь вряд ли оценят, а честность он и сам уважал. Пока он размышлял, старик устроился удобнее и продолжил расспросы:

– А что за приставка у тебя? Как, ты сказал, тебя зовут? Ероха!

– Бертран де Бо, – с готовностью отозвался молодой человек.

– Точно, де Бо, – кивнул старик. – Значит, из знатных? Вот загвоздка, у нас здесь все попростому, без титулов. Как быть с этим?

Прежде чем заговорить, Бертран на секунду задумался, что не ускользнуло от его собеседника, который нахмурился. Увидев это, мужчина поспешил ответить:

– Как я уже сказал, я ищу дом, а не дворец. Землю, а не владения. Друзей, а не слуг.

– Правильно, потому что здесь ты их не найдешь.

– Поэтому я и не стал ничего говорить по поводу своего происхождения. Но имени я не скрываю, как видишь, так что не имею ничего против, если вы забудете о приставке «де» – она больше не имеет для меня никакого значения.

– Ну зачем же так? – ухмыльнулся старик. – Мы не имеем ничего против знати, если она относится к нам как к равным. Не станешь чудить – и жизнь в наших краях придется тебе по вкусу. Здесь нет ни царских опричников, ни его заместителей. Да и Иван Васильевич нам не указ, мы сами себе хозяева, живем, ни у кого не спрашивая разрешения. Так было при наших дедах, так будет и впредь. Вот так-то, Бертран.

Поняв, что первый экзамен сдан, француз обрадованно улыбнулся и, не скрывая эмоций, обратился к собеседнику:

– Благодарю! Скажи, как обращаться к тебе.

– Разве я не представился? – Старик вопросительно взглянул на Ероху, который продолжал стоять рядом, и, увидев, как тот отрицательно покачал головой, ответил: – Зовут меня Велеславом, я местный старейшина и судья. Люди доверяют мне и несут и свои радости, и печали. Врачеванием тоже занимаюсь я. Но, как ты, наверное, заметил, моя молодость осталась так далеко позади, что ее уже и не видно. Поэтому я рад, что к нам пришел ты, знакомый с этим искусством. Пойдем, я покажу тебе твой дом. Заодно и проверим, такой ли ты хороший врачеватель – у меня, видишь ли, кости вторую неделю ломит, терпеть мочи нет.

Удивившись тому, с какой легкостью решилась проблема жилья, Бертран помог Велеславу подняться и, помахав на прощание мужикам, которые вернулись к своим разговорам,

словно ничего и не было, вышел из теплого помещения на трескучий мороз. Старик, увидев небольшие сани, которые стояли неподалеку, спросил:

– А лошадь твоя где? Не пешком ведь ты добрался сюда?

– Можно сказать и так, – с досадой махнул рукой француз. – Лошадь моя за пару верст от вашего поселения провалилась под лед. Это я виноват, задремал.

– Тогда считай, что животное за тебя жизнь отдала, – многозначительно поднял кривой палец Велеслав. – Если заснешь зимой, считай, пропал. Проснуться вряд ли получится. И что, на себе тащил сани? Силен, силен. Что ж, вот мы и пришли. Не хоромы, конечно, но ты, помнится, мужик с руками, со временем приведешь дом в порядок.

Бертран критично осмотрел покосившуюся избу самой простой конструкции и остался доволен. Главное, что есть где переждать первое время – а там можно и что-нибудь получше подыскать. Или на самом деле эту развалюху отремонтировать?

– Только есть одно обстоятельство. – Старик остановился перед калиткой и шикнул на лохматую собачонку, которая, почуяв чужака, залилась оглушительным лаем. Узнав старейшину, та моментально успокоилась и послушно замолчала, лишь изредка бросая на незнакомца подозрительные взгляды.

– Какое обстоятельство? – удивился француз.

– Видишь ли, у нас не принято оставлять друг друга в беде, мы здесь все как одна большая семья. Иначе в этих краях не выжить. В этом доме раньше жил Корнилко, молодой охотник.

– Жил?

– Да. Горячий был, смелый. Три года назад в одиночку пошел на кабана и не вернулся. Мы нашли его только на третьей сутки – ему не хватило сил дойти до дома какую-то версту. Это был мой сын, моя надежда. Я не знаю, чем заслужил такое наказание, но не мне рассуждать о божественном провидении.

– Я сожалею.

– Я тоже. Но я все это тебе рассказал не для того, чтобы вызвать жалость. У Корнилко осталась вдова, Ирица. Я много раз хотел взять ее к себе, но она отказывается. Мы помогаем ей, насколько это возможно, но так продолжаться вечно не может. Девушка она молодая, ей нужен муж. Я помню, ты говорил, что у тебя никого нет. Возьмешь?

Несмотря на то что Бертран считал себя человеком, свободным от каких-либо предрассудков, подобное предложение показалось ему несколько циничным. Ему никогда прежде не предлагали женщину, словно та была бесправным животным, поэтому он не сразу нашелся, что ответить. Заметив его колебания, Велеслав осуждающе покачал головой:

– Ты думаешь, что я тебе предлагаю ее как довесок к дому? Ошибаешься. Ирица не является чьей-либо собственностью, и, если она решит, что ты ей не подходишь, тебе придется искать другое жилище. А девушка она своенравная – с тех пор, как прекратила оплакивать мужа, успела всех холостых ухажеров отвадить. Так что ты не обольщайся и не оскорбляй нас черными мыслями.

– Я и не думал... – начал было Бертран, но старик его перебил:

– Думал. Не спорь со мной – у тебя все на лице написано. Но я тебя не виню в этом – тебе еще только предстоит познакомиться с нашими порядками. А сейчас говори: согласен ли ты на мои условия?

Выслушав Велеслава, француз признал, что его позиция имеет под собой прочный фундамент из народной мудрости, и, подумав, кивнул:

– Согласен. Но только при условии, что и она мне понравится.

– Справедливо. – Старик пожал протянутую руку, и они в сопровождении Ерохи вошли во двор. Стряхнув снег с одежды, Велеслав без стука открыл дверь и жестом пригласил Бертрана следовать за ним. Когда дверь закрылась, француз несколько секунд оглядывался, оценивая тесное, скудно обставленное помещение, пока, наконец, не увидел женскую фигуру, непо-

движно сидевшую у окна и, вероятно, заметившую приход гостей задолго до того, как они вошли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.